

Валерий Аршанский

НЕДОБИТЫЕ

Повесть

В 1959 году, как сообщили газеты, в Мюнхене, подкараулив жертву в темном подъезде, агент КГБ Богдан Сташинский убил Степана Бандеру, лидера и организатора националистического движения на Западной Украине. Сташинского наградили орденом Красного Знамени — «За успешное выполнение особо важного задания прайвительства». Тогда казалось, что эта справедливая кара положила конец бандеровщине на Украине. Но прошли годы, и мрачные тени украинского фашизма ожили в наше время. Вот почему важно понять, где истоки этого гнусного явления.

Глава 1

«ПЕЧАТАЙ, МАГДА, ПЕЧАТАЙ...»

Западная Украина... Трудные, очень разные земли: и предгорные участки, и типичное увлажненное полестье. Небо как сито, через которое часто моросит, а то и стеной льет дождь. Неудивительно, что отходничество тут бытовало испокон века. К тому, что дает земля, нужен постоянный дополнительный приработок, иначе семью не прокормишь, как ни старайся. Вот и уходили отсюда на сторону «зараблять гроши» родители Магды Барвенчук. А потом вернулись, переселились к дедушке Магды

Валерий Семенович Аршанский родился в 1945 году в Магнитогорске. Окончил факультет журналистики ВГУ. Многие годы работал в сфере печати Мичуринска и Тамбова. Автор 21 книги художественной и документальной прозы. Печатался в ведущих столичных и региональных литературных изданиях. Лауреат ряда литературных и журналистских премий. Заслуженный работник культуры РФ, Почетный гражданин Тамбовской области. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живет в Мичуринске.

на первую заимку, там и стали жить. Отца приняли на работу лесничим, мама во всем помогла ему, а дочка осваивала лес, считая его родным и знакомым.

Родители, оба малограмотные, как только могли поощряли желание дочечки учиться. И ласковая Магда старалась дома, старалась в школе. Никогда не думала она, что учившийся с ней в одной школе, только на три класса старше, Савватий Фецюк вырастет в первые же дни войны в законченного бандюгу Савку.

Доводилось видеть Магде, как в селе Добривляны стрелял этот самолюбленный Савка в стоявшего перед ним без шапки босого деда, вся вина которого заключалась только в том, что он избирался депутатом при Советах. Страшное, перекошенное от злости было тогда лицо у Фецюка. Она неделю избегала встречаться с ним даже на одной дороге. А он, чуя боязнь и презрение девушки, как нарочно, то и дело бесшумно вырастал перед ней на ближних и дальних подступах к лагерю. И ухмылялся, и говорил какие-то обидные слова, чтобы зажечь в ней откровенное неприятие своей персоны, а потом поизмываться и над этим. Магда опускала глаза долу, молчала.

Проклятый Богом и людьми Савка здесь, в Черном лесу, убил потом бывшего работника милиции, а следом бывшего служащего то ли сберкасы, то ли банка и его беременную жену, которая, закатываясь до посинения, кричала и молила, чтобы не уводили боевкари ее несчастного мужа от троих детей.

Рассказывала Магде повариха боевки и про то, что Савка с благословения главаря банды Ярого изнасиловал в сарае при гогочущих соратниках батрачку Ольгу Сенич. А потом задушил бедняжку ее же халатом. Ярослав Ярый, пьяный в дым, обнимая Савку, кричал: «Орел! Такому впору не четой и не сотней, а целым куренем командовать!» Люто ненавидит Савка Советскую власть и все с ней связанное. Исходит злостью на большевиков за то, что партизанские пули настигли в Беловежской пуще его отца и старшего брата, вместе служивших в «Нахтигале». Нашли старшие Фецюки вечный приют в болотах измороженной немцами, но не сдающейся на милость врага Белоруссии.

«Ничего, ничего, — хмурился и так никогда не расцветающий Савка, — ваш младший сын и брат отомстит за вас, никому не будет пощады».

Слово свое Савватий держать умеет. Боевкари недавно видели, как скупой на похвалу референт Калушского окружного провода, кивая в сторону Савки, хлопал по плечу при большом стечении народа дружески провидныка, приговаривая: «Ярый людей подбирать умеет, за то и ценим!»

Ни Ярый, ни его боевкари Магду пальцем не трогали. Хотя ни про кого не скажешь, что они не охочи до «малинки». Ого, только дай им, наглым и алчным, повод. Не счесть, сколько женских и девичьих слез пролито после надругательства этих клятых «черных чертей» над беззащитными женами и дочерьми...

Магду Ярый взял к себе в боевку как машинистку для печатания под копирку протоколов допросов. Сначала на устный вызов Ярого, переданный через посыльного, девушка ответила отказом, сославшись на то, что скоро уезжает во Львов. Это было утром. А вечером дома она обнаружила у себя на столе неизвестно когда и кем оставленную записку: «Магда! Жду тебя завтра утром. Не придешь — хуже будет». И подпись: «Ярый».

Этим злым именем матери и вправду пугали своих детей, сразу утихомиривая даже самых непоседливых. Вечерами, кивая на темные окош-

ки хаты и произносы имя бандита полужупотом, они приучали засыпать и отчаянно кричащих младенцев, чующих в тревожных голосах матерей безотказно действующие на них, несмышленишей, нотки.

С горькими слезами провожала Магду из дома всю ночь проплакавшая, не сомкнувшая глаз, обессиленная, сразу постаревшая матуся... Стараясь изо всех сил крепиться и не подавать виду, печально глядел дочери вслед такой добрый, всегда казавшийся самым сильным из всех людей на свете отец...

— На машинке хорошо печатаешь? — глядя поверх головы Магды, чтобы сразу не испугать ее взглядом своих колючих буркал, спросил при первой встрече нахмуренный Ярый.

Да. Она печатала у отца в лесничестве два месяца отчеты и другие бумаги, знает шрифт и как делать на листе бумаги разделительные графы — колонки.

— Будешь у меня машинисткой! — жестко приказал Ярый. — Приказы выполнять только мои. И чтобы ни с кем здесь хвостом не крутила. Ясно?

Он ничего больше говорить не стал, хлопнул тонким ивовым хлыстиком по сапогам и ушел прочь. За него договорил красноречивый вид стоящих поодаль от штаба-сарая лесных братьев, нагло очерившихся, привалившихся друг к другу с разномастным оружием в руках.

Магда — слабенькая машинистка, печатает медленно, с пропусками букв, ошибками. Не научится она никак располагать текст допроса с выделениями — ровно и четко, как выглядит он на солидных документах окружной референтуры. Но ей это пока прощается. Как прощается самому Ярому — референту районной СБ (службы безопасности) — то, что, строго говоря, машинистка ему не полагается по штату. Для этого нужно быть рангом выше. Но, учитывая особые заслуги самой активной боевки «Черные черти», начальство закрывает глаза на отступление от правил. А подчиненные умеют ценить проявляемое к ним снисхождение и отвечают на благорасположение шефов удвоенным усердием.

Постоянно замечал Ярый, как вздрагивает и напрягается девушка всякий раз, когда он подсаживается к ней поближе для диктовки протоколов. Приятная волна удовлетворения окатывает тридцатилетнего Ярослава. Страх — лучшее средство твердого воспитания, внушали ему в свое время наставники. Это убеждение он принял как кровное и передает теперь его всем своим хлопцам — розбишакам. Страх и только страх нужно внушать к своей персоне, где только можно и кому только можно. Все должны бояться! Даже родной отец каждый раз по приезде сына домой называет его не иначе как пан Ярослав. Люди, встречающиеся на сельской улице, независимо от возраста, первыми низко расклешиваются с ним. Но редко кто дождетя ответного кивка вельможного пана. Гетман!

Одни лишь немцы мало считаются с важной персоной Ярослава. Щедрые они только на слова, трысця их маме! Когда с воем и грохотом ворвались на танках, рогатых мотоциклах, самоходках в его округ, в знак благодарности за работу подсадной уткой в Краковском гестапо дали в награду всего лишь книжный магазин в Галиче. Чтоб им, жлобам поганым, скаредам, удавиться этим подарком и такой «щедрой» должностью! О ней ли, этой паскудной торговой службе, мечтал с юных лет тщеславный, как Наполеон, Ярослав Ярый.

Никак недооценивало его начальство. Как ни старался — не складывался большой пост. Перед войной был мелким конторским служащим в

бухгалтерии, где смог почерпнуть лишь доточность в отчетах и педантизм к бумагам. Не лучше чувствовал себя и позже, работая техником в поветовом дорожном управлении. Это уж немцы назначили, как-никак, директором.

Нет, все же невезение началось с Кракова, куда он бежал вместе с Луцким за два года до войны и где им обоим выше провокаторских мест в тюремных камерах никаких должностей не предлагали. Вернулся Ярослав на Станиславщину с приходом режима рейха. Стал референтом подрайонной боевки, самой низкой единицы в структуре СБ. Что она для него, Ярого, залившего большевистской кровью не то что утлую камеру, а целый подвал Краковского гестапо?

Только недавно в окружном проводе начальство намекнуло, что имеет в виду назначить его комендантом надрайонной боевки. Ох, скорее бы! Это ведь означает уже двадцать постоянных боевкарей в подчинении, да плюс свои информаторы, да плюс разовые боевики, призываемые из сел при проведении крупных операций, да плюс еще связь с заграницей... Словом, заполняй анкеты и дуй до горы, пан Ярослав, шлях бы трафил всех врагов нашей святой, единой и неделимой соборной Украины!

А врагам неньки — в первую очередь, большевикам, красноармейцам, евреям, полякам — Ярый еще покажет, как свой гонор проявлять! Правильную директиву прислали вчера из округа для распространения в боевках и как листовки в селах. Грамотные люди работают у нас в идеологии! Кого оставят спокойными эти строки: «Поляки не жалеют слов обиды на украинцев, применяют шовинистические выступления против украинцев, ждут прихода большевиков, как единственного спасения. Отомстим же им, братья!»

Ярый хорошо знает, как с помощью этой бумажки можно сыграть на чувствах своих сподвижников, не признающих никакие иные, кроме своих, нации. Переключив мысли на поляков, Ярый вновь озабоченно хмурится: уж сколько времени ходят слухи, что где-то скрываются шпионы — супруги Завадские с кучей детей, доходят эти слухи до окружного провода, а он никак не может выловить эту матку боску с выродками. Надо было, наверное, подождать на прошлой неделе с допросом директора школы, поторопились списать его в расход. Чуть бы нажать на жалость, глядишь, и признался бы старый хрен, где скрываются эти Завадские. Схитрил директор, схитрил. Но, черт возьми, кто они, мои земляки, которые и под угрозой лютой кары берутся прятать в своих хатах польское семейство? Значит, мало мы еще нагоняем страха, если есть даже одна семья укрывателей. Не должно их быть ни одной — по крайней мере, там, где царят «черные черти».

«Нет, все равно будет по-моему, — зло тискает пальцы Ярый. — Перекрою в лесу все кордоны, а найду беглецов. Никому тогда не поздоровится, все свое получат. В любом возрасте пособников полячишек за ноги — и на смереку! Да повыше их, сволочей, повыше, чтобы издали было видно, как мстят боевкари врагам самостийной и неделимой Украины!»

Легко заводится Ярослав, когда приходят такие мысли. Вот и сейчас, не в силах скрыть желчного раздражения, он вскакивает из-за стола, за которым только что читал указания, присланные проводом. Бормоча ругательства себе под нос, бегаёт взад-вперед по сумрачному сараю, любимому своему пристанищу, нахлестывая высокие голенища подаренных немецких сапог сложеной вчетверо веревкой-удавкой.

Не до конца оstieg, ногой распахивает дверь и, едва высунувшись из сумрачного проема, властно кричит: «Магда!» Девушка, сидя у себя в домике за вышивкой, не слышит этого зова. Но быстроногие дневальные немедленно передают ей приказание дружбе провидныка срочно явиться.

Ярый встречает Магду сидя за столом. И с порога принимается отчитывать девушку, сухо постукивая костяшками пальцев о столешницу.

— Чуешь, дивчина! Берись за работу как следует. Пока много недостатков имеешь, опечатки и ошибки допускаешь на каждой странице. В лесничестве ты так не печатала, старалась. И потом! Я когда еще наказывал тебе придумать псевдо и мне сказать? А ты почему кота за одно место тянешь? Я не буду больше напоминать, мне своих забот хватает, ты мне еще одну не добавляй.

Подумав, Ярый роняет: «Вот что! Ты теперь будешь Марта. Хлопцы так будут тебя звать и я. Приучайся, чтобы сама в случае чего называлась Марта. Зрозумило?»

Девушка согласно кивает головой, подбирая крохотным платочком быстро скатывающиеся слезинки. «Катюга ты, катюга, — беспомощно бьется в голове воспаленная мысль. — Даже имечко мое отобрал, скаженная ты зверюга, ты и души людские готов у всех забрать».

На сухопарого карлика она глаза не поднимает, в сузившихся зрачках бандита боится увидеть отражение своих проклятий палачу. А самодовольный пан начальник с удовлетворением отмечает смятение машинистки, но никак не реагирует на ее испуганное лицо, оставаясь как можно более непроницаемым.

— Так, возьми вот эти шесть протоколов рукописных. Посчитай, правильно там, шесть? На этом, что вверху, печатай: «Смык Юстина, 53 лет». Пониже, в кавычках: «Обвиняется в расширении пропаганды против организации и УПА*». Доси не знаешь, що це таке УПА*? Украинская повстанческая армия*, запам'ятай назавжди! Запомни навсегда. Теперь внизу, слева, нет, еще ниже, в самом уголке, пиши: «Ликвидирована». Цифрами — «18.03.44 г.». Справа печатай: «Протоколировал “903”».

Бери второй протокол. Знаешь теперь, как правильно оформлять? Справа вверху пиши: «Сенич Ольга, 25 лет. Дело неморального поведения с немцами и большевиками, притом еще доносы красным о деятельности в селе. Ликвидирована. Дело рассматривал “903”».

«Смык Илья, 1884 года рождения. Ликвидирован. “903”».

«Федорчак Анна, 36 лет. Ликвидирована. “903”».

«Левицкий Роман, 71 год. Ликвидирован. “903”».

Ярый с бухгалтерской педантичностью, как бывало еще в поветовом управлении или в Галичском книжном магазине при подсчете дневной выручки, водит жилистыми пальцами с обкусанными ногтями по строчкам протоколов. Ровным голосом дает машинистке указания, строго поглядывает, как она их переводит на бумагу. Терпеливо разъясняет, подсказывает непонятные места.

Меньше всего думает Ярый о том, что зачитывает девушке список безвинно погубленных им людей — стариков, женщин. Для него дело ликвидации так же привычно, как проведение на складе учета или инвентаризации, когда имеешь дело с неодушевленными предметами. А если что и заботит районного референта, так это абсолютно точное соответствие

* Здесь и далее по тексту этим знаком помечена организация, деятельность которой запрещена в РФ.

документов инструкции окружного провода, где никаких отступлений не признают и за ошибки круто взыскивают.

Перед глазами Магды за ровными строчками шрифта то и дело прокатывается красная пелена, это боль и жалость плещутся вместе с невыплаканными слезами. «Проклятый, проклятый нелюдь, кровосос», — пульсируют молоточки у нее в висках. Магда с детских лет, как своих родных, знает всех погибших односельчан, добрых, мирных людей, которых этот выродок, спесиво именуемый себя референтом, не погнушался обвинить в надуманных преступлениях.

Кого мог обидеть елe передвигающийся по своей усадьбе, да и то с палочкой в руках, дедушка Левицкий, плохо видящий даже в очках? Но убила его волчья стая за то, что сын Романа Михайловича воевал в Красной Армии. На дверях хаты оставили бандеровцы прибитую громадным гвоздем маленькую фотографию красноармейца Левицкого, а рядом — записку, всю в грязных, матерных словах с угрозами. Над сочинением письма самый грамотный из боеварей — Савка — постарался.

Всегда веселая, неунывающая бабушка Олена Левицкая с гибелью мужа как угасла: избегает попадаться даже соседям на глаза, днем на улицу почти не выходит, а когда выходит, то натягивает пониже на лоб темную хустку. Шутка ли, столько лет прожила с добрым своим Романом, вырастила с ним сыновей, дочерей, дождалась внуков — и вот такая беспощадная, безжалостная участь досталась и мужу, и ей...

Но знают люди: несмотря на большое горе, сердце старой женщины все равно остается добрым к своим сельчанам, не ожесточилось оно с потерей мужа. Это же не кто другой, а она, Олена Левицкая, взяла к себе и теперь выхаживает двух маленьких дочек горемычной Анны Федорчак, навсегда раскидавшей белые руки у плетня в зеленом садочке, у любимой яблони. Только и осмелилась несчастная Ганка задержать, упротить Савку не забирать с подворья последнюю курочку, оставить для детей. Упротила...

Боевари бегали по всем хатам, как волки по лесу, требуя под угрозой пальбы жратвы, самогонки, всяких солений, варений — да побольше. Лес — он аппетит здоровым мужикам ого-го как нагоняет. Харчевой (интендант) боевки — пузатый одышливый Винник — давно установил оброк каждому подворью. И каждый раз вновь и вновь повторяет, когда, кому и что нужно приносить к нему во двор. Банда неразборчива, алчна, как все мародеры. Хватают, захапывают в мешки и наволочки все, что обнаружили в клунях, кухнях, сараях, погребах. Метут в подбор сало, яйца, хлеб, картоплю, груши, яблоки, творог, сметану в горшочках и молоко в глиняных глечиках. Переворачивают столы и стулья, выворачивают скрины, сундуки, шкафы, шкафчики и гогочут, выхваляясь друг перед другом захваченной добычей. Чуть ли не поволчьи урча от радости, закидывают в несметные торбы мотки шерсти, полотно, домотканые рушники, скатерти, половички, ни от чего не отказываются: то, что не попадет в лес, в потайные схроны, в свои хаты принесут, там сгодится!

За уклонение от оброка судят строго, по своим бандитским законам. Затащат недоимщика в тот же двор интенданта, повалят на землю и бьют палками. Это на языке «лесовых братьев» называется «дать букив». Давали по тридцать, пятьдесят, почему-то девяносто, а особо провинившимся — по сто ударов по спине и ягодицам. Едва дыша, на четвереньках уползали люди с подворья Винника после такой экзекуции. И ни чашки

молока, ни кусочка хлеба не оставляли даже больным деткам прожорливые, пьяные, вечно вонючие, не брезгающие ничем мародеры.

«Боже милый, Боже правый, покарай всех этих вурдалаков самой страшной карой, а первым пусть сгорит в антоновом огне этот ирод “903”», — приговаривает про себя Магда, покачивая головой в такт назиданиям Ярого. И так как думает она о своем, а пан референт диктует ей свое — девушка допускает ошибки. Но вовремя спохватывается, быстро-быстро поправляет «помилки», вся сжимаясь в комок, предчувствуя окрик референта. Но великий психолог, как он сам считает, Ярый уже взял себя в руки, держится ровно, понимая, что руганью ничего не добьешься. Напротив, нужно усиленно показывать свою лояльность, словно ничего не произошло, и он всем доволен. Гайдамак неплохо перенял от учителей в Кракове уроки воспитания. То, что Магда-Марта забита, угловата, настороженна, пана атамана мало волнует, он давно привык читать на людских лицах страх, угодливость, смирение и ему нечему удивляться. Преданно заглядывать пану референту в глаза Ярый приучил всех в боевке. Всех, кроме независимого Савки, упорно не кланяющегося ни Богу, ни черту, ни пуле, ни самому главному вождю.

Но тому надо прощать непокорность. Кто знает, что у него на уме и чего можно ждать в ночь глухую от этого лохматого молчуна-садиста? Лучше уж не замечать его вызывающе прямую осанку и не потухающий ни перед кем, даже перед самим окружным референтом — паном Скалой — лютый взор.

Каждый раз, когда стонет и скрипит от дикого, разнузданного пьянства лисовых братив вся округа, трезвый как стеклышко Ярый (ни опорожненная на троих четверть бурякового самогона, ни какая хвороба его не берет!) обнимает Савку за талию и, свистом подзывая секретаря своего, Буревоего, наказывает: «Чуешь, ты, гомозяка, якщо зи мною шось таке трапиться, ось хто — Савгаий Фецок — прийме нашу справу, тумкаешь? Й слухать його будете, як мене, тильки так!»

Но на трезвую голову Ярослав Ярый никогда к этой теме не возвращается, а Буревой и не напоминает. Еще чего, выяснять у друга проводника, кто готов занять его место, должносте сотенного! Та вы шо? З глуду зъихалы? Знает Буревой, каким бывает Ярый скорым на расправу, если ему что-то покажется не по нраву. Несколько раз выдывал. Лучше бы не видеть...

ОТ АВТОРА

В апреле 1944 года оперативной группой НКГБ во Львове был арестован 34-летний уроженец Галичского района Станиславской (ныне Ивано-Франковской) области Луцкий Александр Андреевич; он же — «Клименко»; он же — «Богдан», «Марко», «Беркут», «Андриенко».

Кое-что чекисты о нем знали. Например, о том, что в 1939 году, при установлении в Западной Украине Советской власти, Луцкий бежал в Краков, к заправилам главного провода (руководящего центра) Организации украинских националистов — ОУН**. Проверку на всех перекрестных допросах беглец там выдержал, но всевластные хозяева все равно ему заявили, что вас, мол, таких прихлебателей тут, в тылу, много око-

** Здесь и далее по тексту этим знаком помечена организация, деятельность которой запрещена в РФ.

лачивается, так что возвращаясь-ка ты, друже, в свою вотчину, гуртуой там надежный отряд для организации борьбы против Советов за самостоятельную соборную Украину. А гроши в качестве оборотного капитала мы дадим.

Луцкий рьяно взялся за порученную «справу». С первых дней войны сформировал с помощью продажных попов униатской церкви, легко дурачивших простой люд, антисоветский националистический легион. Наймиты (наемники) из числа где-то повоевавших ускоренно проводили с насильно мобилизованными сельскими парубками боевую подготовку, а потом и тех, и других главный провод, выполняя директиву гитлеровского командования, отправлял воевать против регулярных частей Красной Армии и белорусских партизан. Город Дорогобуж, деревни Залазна, Леоново Сафоновского района и Корсики Ершичского района Смоленской области, деревня Лязовое Клетнянского района Могилевской области — вот далеко не полный маршрут тех населенных пунктов, где в середине войны прошла беспощадная орда бандитов и мародеров, обагрив руки по локоть в крови. Кто науськанный, как цепной пес, кто напуганный, зашуганный, ничего не понимающий и забитый, кто осознанно озлобленный на Советы и потому идейный, шел в оуновской** рати по селам и проселкам, уклоняясь от прямых боевых столкновений с красноармейской пехотой и артиллерией, зато принимая самое активное участие в массовых истязаниях и расстрелах пленных советских солдат и офицеров, мирных граждан, несчастных раненых и больных бойцов со звездочками на пилотках.

Луцкий создал по всей Галиции (Западной Украине) так называемую «Украинскую национальную самооборону», которая позднее была преобразована в УПА — Украинскую повстанческую армию*. В ней проявивший все свои организаторские способности как истовый боевик и истязатель Луцкий командовал самой кровожадной группировкой «Захид» («Запад»). Пробивной бандитский кадр быстро выбился в состав главного провода ОУН** и стал одним из руководителей в главном штабе повстанческой армии.

Это за его личной подписью летели во все боевки грозные инструкции, мрачные предупреждения и распоряжения, почти всегда кончавшиеся нешуточными угрозами: «За невыполнение — расстрел», «За несоблюдение — расстрел», «За неподчинение — расстрел». Приведенная в действие на страшных оборотах карательная машина уже не могла остановиться. Молох убийств неумолимо требовал все новые и новые жертвы. Что же предписывали секретные наставления боеварям?

Видеть в Красной Армии только злейшего врага-поработителя. А потому безжалостно уничтожать бойцов и командиров, выходцев из ненавистных униатскому ордену Советов. В опасные моменты переходить на нелегальное положение, для чего заранее готовить и продуманно располагать на своих территориях склады с оружием и боеприпасами, схроны с продовольствием, гражданской одеждой, воинским снаряжением, строить на выгодных высотах бункеры, напоминающие доты и дзоты. Для складов и укрытий личного состава лучше всего подходят далекие от людского глаза места — леса, кладбища, брошенные земли, займки, руины древних построек, где нет ни массового хождения, ни угрозы попасть к «ястребкам» (красноармейским истребительным батальонам) в засаду. Постоянно помнить о мобильности, быстром передвижении и скрытности боевой. Если становится трудно с пропитанием — возвращаться в свои села,

распышаясь на маленькие группы. Днем заниматься мирным трудом на подворьях, копошиться в садах, мотыжить землю в огородах, ничем не отличаясь от земляков-крестьян, а ночью выходить на другую, известную лишь посвященному кругу «охоту». Где только можно организовывать новые — основные и резервные — линии связи, постоянно помнить о конспирации и строжайше соблюдать ее, для чего периодически менять оуновские** клички, явки, пароли, обозначения населенных пунктов.

Гитлеровско-гиммлеровская школа, обожавшая всякого рода тайны, шифры, пароли, секреты, явки и подпольные хаты, Луцким и его окружением была усвоена прочно, как подобает ученикам-отличникам. Луцкий явился организатором создания самой кровавой надстройки в Организации украинских националистов**»: «службы безпеки», сокращенно — СБ, подобия зловещей гиммлеровской службы безопасности. Так называемая референтура (бандеровцы ух как любили пышные термины!) безпеки являлась по существу контрразведкой и карательным органом. Перед ней ставилась первоочередная задача: выявлять в своих рядах агентов из числа работников милиции и государственной безопасности. Бандиты всех их называли «сексоты» (от секретный сотрудник) и считали самым смертельным противодействием ОУН**, подлежащим при выявлении допросам с пристрастием, пыткам, а в конце концов — ликвидации.

Все, что только могла и умела, позаимствовала охранка Луцкого от системы работы гестапо. Слепо копировала как ее структуру, так и идеологию. Служба безпеки наделялась по осуществлению беспрепятственный контроль и надзор за выполнением нижестоящими организациями директив главного проводя, следила за безупречностью выполнения требований конспирации и чистотой рядов лесных братьев. Попытки дезертирства, уклонения от грязных дел, проявления жалости и милосердия кончались для уклонистов, трусов и «слюнтяев» очень плохо: в лучшем случае — карцером на одной воде в тесной камере или полусотней «букив», в худшем — истязаниями и стенкой. Чем не слепок с выпестованного платным агентом рейхсвера Адольфом Гитлером нежно любимого им гестапо, где проповедовались именно такие методы наказания врагов рейха!

При службе безопасности действовал криминальный отдел. Начиная с предпоследнего военного года, безпека стала создавать в тылу красноармейских частей специальные разведывательные группы, доносившие о передвижении советских войск и возможности нападения на них. Но когда наши войска вышли к предгорью Карпат, откуда открывался прямой путь на Чехословакию и дальше, на Берлин, — бандиты перепугались. Руководители боевок по примеру «керивництва» ОУН** принялись спешно заматывать волчьи следы. Немедля поменяли все псевдонимы, причем многие — личные именные на безликие цифровые. Раскинули густую сеть конспиративных квартир, на которых, не теряя времени, уже стали отрабатывать возможные варианты встреч по заранее обусловленным паролем. Потихоньку практиковали внедрение боевкарей в оставляемых местах на нелегальном положении.

Тем не менее, паукам трудно было выбраться из липкой, ими же сплетенной паутины. Настал час — с помощью населения выловили Луцкого, которого суд приговорил к расстрелу. Многие сельские мужики, как правило, из числа вчерашних земледельцев, строителей по найму, пасечников, пекарей и слесарей, таскавших на своих плечах, но не применявших стрелковую «зброю» в деле — люди, из числа вправду околпаченных бандеровской пропагандой, — потянулись сдаваться.

Только не все расквашеные оказались такими уж белыми и пушистыми. Проводившие положенную фильтрацию смершевцы вылавливали в толпе присмиривших тех былых, ушлых, на которых пробу ставить было негде, которые перед явкой с повинной сумели втайне ликвидировать своих же, многое о них знавших и ведавших. Но нередко «перековавшиеся» лесовики решительно разоружали и приводили в местные органы власти своих вожakov. Это всячески одобрялось, поощрялось, шло в безусловный зачет сдавшимся.

Впрочем, мы несколько торопим события. Еще ведь идет война. И не помышляют особо о переходе на подпольное, нелегальное положение ни штаб, ни стан, ни керивники (руководители) ОУН** и обреченной на гибель боевки «Черные черти»...

Глава 2

ПЛЕН И ПЛЕННИКИ

Собрав в сарае своих ближайших подручных — Волоса, Опришко, Бурового, Савку и Смерека, все ту же верную пятерку, с которой вершил самые сложные дела, — озабоченный дружке провиднык вслух зачитывал последний обзор военных действий, подписанный окружным военным референтом Скалой.

«Без ведома референта, — наставляла бумага, — отныне боевики не имеют права самостоятельно решать вопросы ликвидации. В первые дни апреля на территории Галицкого округа появились уже следы большевиков. Первый след ведет в село Озерцы. Отряд в количестве до сорока человек осмотрел территорию, потом ушел. Квартировали по хатам. В селе вкопали несколько пушек.

В связи со сложившейся обстановкой напоминаю о строжайшем соблюдении инструкций о порядке хранения и уничтожения архивов, о порядке сохранения тайны и о том, кто может присутствовать при допросах, проводимых референтом. Вводятся новые псевдо для местностей: Пидмихайля — Путивль, Добривляны — Дубина, Новица — Хвостив, Сливки — Сучак, Ясинь — Яворина. Напоминаю: допрос должен начинаться с признания вины арестованного. Все материалы допроса должны быть исчерпывающие и точные». Дальше шло обычное для таких депеш предостережение: «За отступление от инструкции виновные будут караться вплоть до смерти».

Ярый, сложив тонкую бумагу вдвое и еще раз вдвое, поднес ее к огоньку коптилки. Пламя жадно облизало поживу и быстро проглотило ее, оставив лишь хрустящий пепел. Дружке провиднык поднял на подручных тяжелый, немигающий взгляд своих смолистых буравчиков. Никто из бандитов смотреть ему в глаза не смел — и потому что боялись, и потому что чисто физически не выдерживали его прищура.

— Всем все ясно? — переспросил Ярый. — Тогда так. Больше о наших фамилиях вообще не может быть и речи, забыть. Пусть только кто гавкнет по фамилии! И завтра к утру каждому доложить свои предложения об устройстве схронов. Сейчас Савка и Буровой пойдут со мной, остальным отдыхать, вечером приготовить оружие, будет работа.

Худой, в болтающемся на плечах немецком кителе, со свисающей прядью давно не чесанных волос, первым вышмыгнул из сарая Опришко, чьи братья — Ярема и Медведь — также промышляли в соседних боевках. Савка — руки в карманах брюк — вышел следом, покурить. Ярый

внутренней усмехнулся: бывший студент Львовского университета, считающий себя интеллигентом Савка таскал в карманах впрок заготовленные записочки, исполненные каллиграфическим почерком: «Убит, как предатель и красный доносчик. Не вздумайте мстить!» Вместо подписи — слева виньеточка, справа — желто-голубой трезубец, символ лесных братьев-«ратоборцев» за единую и неделимую, святую, соборную Украину. В который раз с удовлетворением подумал Ярый, какой же добрый вояка вышел из Савватия Фецюка, всегда на него можно положиться...

В дом харчевого лесная троича вошла бесстрашно, поскольку издали заметный сигнал — глиняный кувшин на тыне — изведал о спокойствии в селете.

— Ну, расскажи мне, патякало, кто тебя научил налево и направо языком ляскать? — пригнувшись, наступал на позеленевшего от страха Винника друже провиднык. — Может, ты уже ковпаковцам запродался или с полячишками, пся крев, дружбу водишь? Так я из тебя сейчас печенку вытащу и тебе покажу. Га?

И так дрожащий от смертельного испуга интендант Леонтий Винник при этих словах и вовсе обомлел. Как парализованный, он только открывал и закрывал рот, не в силах произнести ни единого слова. Наконец, еле-еле сглотнув душившие его спазмы, Винник бухнулся Ярому в ноги, выставив вгору откормленный, по-бабьи широкий зад, и заскулил ценячьим голосом:

— Не губите, пан референт, друже провиднык, пробачте мене, за ради Бога! Я знаю, что виноват, я ж их, голодранцев, только налякать подужче хотел, я же вам сколько пользы принес, не губите меня!

— Подсчитываешь свои заслуги, мерзота? — презрительно ткнул сапогом распростертого Винника референт боевки. — Ну, назови, назови свои полезные дела.

Поскольку Винник все ползал по домотканой дорожке, ослабев в коленах, подняться ему помог Буревоий, поддав сапогом так, что интендант вмиг очутился на лавке.

— Сейчас, сейчас, я документально, — приходил в себя из полуобморочного состояния толстопузый интендант, минуту назад в мыслях распрощавшийся с жизнью.

Прыгающими, неподвластными пальцами он шарил за отворотами легкого кожуха, выскивая нужную бумажку. Найдя, облегченно перекрестился: «Фу-ух! Думал, потерял».

Отодвинув листок подальше от глаз, харчевой, торопливо облизывая губы, начал перечислять собранное и переданное: «Зимних кожухов — сорок, нательного белья — шестьдесят пар, полотна — пятьдесят метров, свитеров — восемнадцать, шерстяных носков — пятнадцать пар...»

— О-о-рел... — выслушав Винника, процедил всегда злой на харчевого Савка. — Мы кочаны свои подставляли, когда магазины вскрывали, молокопункты и леспромхозы брали, а вот эта крыса те трофеи, что селяне ему добровольно сдают, за доблесть преподносят. У-у, бес, на смереку тебя за такую контрибуцию.

Вороватый, малообразованный Винник не понял, что это за слово такое «контрибуция». Зато злое предложение Савки повесить его на смереке, то есть на ели (Леонтий Гаврилович знал, как быстро это делается), он понял всеми дрожащими потрохами. И вновь льстиво заюлил, придавая голосу нежнейшие оттенки, чтобы, упаси Господь, неосторожным оборотом не разозлить до конца кого-либо из гостей.

— Нет-нет, пан Савватий, добровольно никто мне ничего, прошу простить великодушно, не давал. Я каждый раз свою настойчивость проявляю. Вот, будь ласка, еще, — он перевернул вспотевшими руками листок с записями, — подготовил вам к передаче шесть кило хлеба, солонины три килограммчика, шестьдесят яиц, молока в погребе оставил двадцать литров.

— А самогону шо, немає? — угрожающе рявкнул Буревој.

— Найдем, как же без самограю! — преданно глядя не на Буревого, а на Ярого, все так же подобострастно, только уже и чуточку посмелее, даже пытаюсь улыбнуться резиновыми губами, произнес Винник.

— Листок свой сежи, — протянул спички Ярый. — Когда это я тебе разрешал архивы заводить? Чтобы никаких записей дома не было!

При каждом слове референта Винник успевал по два, а то и по три раза кивнуть головой, показывая верх послушания и раболепия. Но до конца разжалобить Ярого не сумел.

— Буревој! Вломи этому ляпалу десять букв, да от души, чтобы этот болтун добряче свою дупу почухал и поменьше на ней сидел, а больше бегал.

— Может, я? — предложил свои услуги Савка, чуя, что не скоро еще представится ему такой повод отыгаться на трусе и бездельнике Виннике.

Но Ярый, ухватив Фецюка под локоть, подталкивал его к выходу. А на крыльце, что-то вспомнив, вернулся, заставив только было разогнувшегося харчевого вновь скрючиться в три погибели, чтобы не казаться ростом выше референта.

Пристально глядя интенданту в глаза, Ярый распорядился:

— Запрягай завтра свою подводу, бери чувалы, поедешь с Опришко по хуторам. Соберете всю картошку. Сам залазь в погреба, проверяй, не ленись, до последней бульбы чтобы все вытряхнул! Если не увезешь к себе — заховай, где только сможешь, остатки в яму зарой, в болото выкинь. Но чтобы эти залапаные Советы, когда появятся, не жрали украинську картоплю. А то я знаю москалей, они до картошечки дуже охочи, особливо влупень, по-руськи «в мундирах» называют.

Ликующий в душе после спасения за опрометчивый разговор с земляками Винник, подобно китайскому болванчику, вновь согласно, быстро-быстро кивал головой, словно кто-то снизу дергал его веревочкой за подбородок.

— И запомни, доблестный вояка, — напоследок пробуравил заготовителя тяжелым взглядом Ярый, — твякнешь еще хоть раз что-нибудь компрометирующее, ответишь, как за помощь Советам! И все твое семейство ответит. А тебя лично повешу на сосне за ноги — да хоромы твои подпалю, чтобы лучше горело. Ты меня знаешь!

Еще бы! Уж куда как хорошо знал Ярослава Ярого одноклассник Леонтий Винник. Трепетал перед ним и служил с собачьей покорностью вот уже два года. С той самой поры, когда получил от пана референта каллиграфически исполненную записочку: «Очень прошу вас, пан Леонтий, сейчас же прибыть с моим проводником. Предупреждаю, что в случае отказа Вас лично и ваших близких ожидает большое горе».

От такого «вежливого» приглашения на явку мог отказаться только смертник или сумасшедший. Пан Леонтий себя ни тем, ни другим не считал. Он очень хотел жить, со своим добром не только не расставаясь, а напротив, приумножая его. И на встречу, конечно, пошел. И суму интен-

данга принял без вопросов и лишних слов. Жаль, допустил за два года безупречной службы лишь единственную промашку: рассказал соседке про расстрел ее мужа, а это и означает, что высунул язык дальше положенного. Хорошо еще, отделался поркой. А то ведь, правда, мог бы уже перехваченный за гладкое нежное горло грубым беспощадным шнурком висеть у себя же во дворе вон на том старом, раскидистом яворе. Или в глубине двора, за клуней, на сливе, дарующей прекрасные плоды — каждый размером с куриное яйцо, — потому именуемые «кобылехи» — в отличие от обычных слив, именуемых «бруньки».

При мысли о злой каре Винник вздрогнул и почему-то подумал: «Сплю я эту тополию с чертовой маме, нехай она мне тут глаза не мозолит! Все равно на топку дрова будут нужны».

Пока Ярый давал наказ харчевому, оборотистый Буревой успел вырезать со злополучного тополя увесистую ветку, быстро ставшую палкой. И теперь стоял в дверях, опираясь на нее, как на посох, готовый к исполнению наказания.

Двинувшийся в путь референт и Савка даже за воротами слышали сдавленные вопли интенданта, изнемогавшего под добросовестными оттяжками верзилы Буревого.

К вечеру там же, у околицы, бандиты встретили подкрепление из числа оседлых, не входивших в лесную братию боевкарей. Ковыряя пальцем в зуб, припелелся Веселый и потерявший в недавней пьяной драке со своими два передних зуба как всегда попахивавший буряковым самогоном Вуйко. Чуть погода подошли еще двое, прятавшиеся за малоприметным бугром, — сыновья Винника: похожий на отца кругленький, краснощекий Бобик и полная противоположность ему — сухой, костлявый, с тесно прижатыми к голове ушами Лыс, копия вечно хмурой, всегда чем-то недовольной и злой матери.

На ходу посвятив пополнение в курс дела, Ярый изложил свой план: потихоньку окружить хатку пастуха плотным кольцом и без крика и шума взять всех, кто там окажется, живыми. «У пастуха ходят москали, они должны дать ценные сведения мне и в главный провод», — подчеркнул свою приближенность к высшей касте тщеславный референт.

Привычно упрятав оружие под кожушки, куртки и свитки, боевики окольцевали пастуший домик так, что теперь из него не вырвался бы и воробей. Разведка бесшумным шагом заскользила к окнам, крадучись заглянула в них. Внутри, на лавке, приставленной к стене, сидели трое высохших, усталых мужчин, только что, видимо, поужинавших: жена пастуха убирала со стола чашки да ложки.

Еще двое беглецов из неволи, склонившись тут же на край стола и подложив руки под голову, спали или дремали. Двое чинили обувь, еще один зашивал большую дыру на рубахе. «Восемь их тут», — показал на пальцах Бобик.

Пошептавшись с Буревым, сотенный резко взмахнул рукой, увлекая за собой подчиненных. И через минуту в насквозь распахнутые окна хатенки тупо, угрожающе наставились на застигнутых врасплох беглецов из фашистского плена шесть автоматных стволов.

Грохнув дверью, громяхая опрокинутыми ведрами и кастрюлями, тут же ворвался в хату разметавший патлы Савка с поднятой над головой противотанковой гранатой:

— А ну, лапы вгору, и не двигаться, распроданцы!

Казалось, рассчитанная на ошеломляющую внезапность операция и в этот раз пройдет у бандеровцев без сучка без задоринки. Пленники парализованы страхом, они, как рыбы на мелководье, взяты голыми руками, а что еще остается обреченным, как не сдаться на милость победителя, вымаливая себе пощаду. Не оказывать же пленникам, чахлым доходам, сопротивление откормленным бычкам-боеварям!

Просчитались бандиты! Не учли, что, кроме этих восьми, еще три бойца находятся в сенцах и во дворе в неприметном карауле. И они не бросили своих товарищей, хотя хорошо познали цену свободе и, будь трусливее, будь малодушнее, могли слинять под шумок далеко-далеко от ставшей ловушкой хаты пастуха. Нет. Пленные не ушли, приняли неравный бой.

Раз — и под ноги заглядывающих в окна Смерека и Бобика, кувыркаясь, полетела брошенная воронежцем, лейтенантом Серегой Савиным венгерская граната, отправив бандитов любопытствовать на тот свете. Потом и Веселый, неестественно переломившись в спине, с матом опрокинулся на крыльцо, сваленный Сергеевыми пистолетными выстрелами.

Три бандеровца легли трупам у хатки пастуха. Но на большее у пленных караульных не было ни физических сил, ни патронов в пистолетной обойме. И вскоре они, скрученные шнурами-удавками, присоединились к своим захваченным товарищам.

Ярый в ту же ночь допрашивал пленников лично. По одному. Не выдерживая сцен, происходивших при колеблющемся пламени смердящей коптилки, выбегал во двор, зажимая рот на бегу, казалось бы, привычный ко всему секретарь референта Буревой.

А повариха боевки, давняя лесная подруга главаря, зажимая ладошкой толстые губы, на другой день под страшным секретом рассказывала «Марте» о Яром. «Пришел под утро весь обмякший. Велел согреть воды, помыться. Я ему на спину поливать стала, да чуть не закричала во весь голос! Представляешь, от лопаток и до самой поясницы — сплошные желтые и черные полосы. Ой, Марта, его же ни о чем спрашивать нельзя. Но теперь я поняла, почему те пленные убиты, а выстрелов мы не слышали. Он их на себе удавкой перевешал...»

Несдобровать бы потрясенной женщине, вынужденной делить с Ярым не только стол и кров, а и постель, услышь даже не он сам, а хоть кто-нибудь из его приближенных горячечный опасливый шепот толстушки-поварихи. Страшной смертью заплатила бы она за свои откровенные признания, ни на миг не посчитался бы Ярый, что это его любовница. Хотя... Есть ли для палача что-либо святое?

Невольню прознавшая об истязаниях несчастных пленников, она знала, что может ждать ее в худшем случае. Но и молчать не могла, боялась, что сердце разорвется, что сойдет с ума, если не выговорится, не выплеснет из себя те страшные ночные впечатления.

Поварихе все сошло благополучно. И Марта была не из продажных болтушек, и пан-референт не удосужился проверять, вдруг растребал кто об увиденном и услышанном в сарае? В глубине души уверовал: даже те, кто видел, кто был рядом, язык прикусят, промолчат.

Вечером, пользуясь мертвецки пьяным сном Ярого, повариха вновь прошмыгнула на половинку домика Магды, занятой скромными постирушками. И опять, то называя ее подлинное имя, то псевдоним, поведала о том, что сама узнала от приходившегося ей двоюродным братом Буревого.

Молодой, светленький советский солдат, он назвался Сергеем Савиным, родом из Воронежа, больше всех разозлил Ярого даже не столько тем, что отправил пять частушки на небесах Веселого, сколько бесстрашием, дерзостью. Потому так лютовал, так выходил из себя атаман на допросе. Когда вконец взбешенный презрительным поведением Савина Ярый накинул ему удавку на шею, грозя сейчас же удушить, удавить, повесить, Сергей, хрипя и как можно выше поднимая голову, процедил в ответ:

— Возьми веревку подлинней, скотина!

— Шо? Ты шо зараз гавкнув, «подлинней»? Як, як ты мене назвав?

— Тварью тебя назвал, коротышка! В задницу меня поцелуй, сволочь, фашист!

Бедный этот парень погиб первым со связанными руками, удушенный озверевшим референтом.

Не раз потом вспомнит провиднык этого бесстрашного Сергея, вспомнит то презрение, гадливость, ненависть, с которыми смотрел на него не покорившийся пленный советский солдат. Но некогда было предаваться чувствам стыда или раскаяния озабоченному референту. Хитрую игру затеял он с единственным уцелевшим из пленников — пулеметчиком Николаем Поречным. Курский пацан, сельский тракторист, вконец сломленный видом пыток, жутких издевательств, обрушившихся на его товарищей, весь в слезах и соплях, сразу же рассказал Ярому все, что знал и ведал. Показал, в каком месте оставили бойцы пулемет Дегтярева, «дегтярь» — это неказистое, прыгающее при стрельбе даже на сошках и дающее жуткую отдачу орудие с несколькими дисками, набитыми патронами, напоминающими винтовочные.

Ярый продержал Николая Поречного в «карантине» целую неделю, не вызывая на допросы, приказав выдавать неплохую кормежку. Школа гестапо — она ведь включала в себя не только пытки, а и такой «лояльный» подход, о чем пан референт знал не из вторых рук по собственной довоенной практике в Кракове. Растерянный человеческим к нему обращением после всего увиденного, сжимавшийся в комок в предчувствии пыток и истязаний, Поречный терпелся в догадках, боясь даже в мыслях представить себе самое страшное. Что означает эта неделя отдыха? В честь чего такие поблажки? Может, это подготовка к новым, еще более изощренным издевательствам над ним, узником? Но он же по-честному рассказал этому страшному главарю все о своей ускоренной учебе на пулеметчика, о считанных месяцах фронта, пока не угодил в плен к немцам после первого боя и касательного ранения в плечо. О побеге из плена с группой Савина. Он же сдал запряженный у села пулемет с запасными дисками. Чего еще хотят эти косматые бандиты?

А Ярый выстраивал свою тактику. Сразу поняв, что Поречный это не Савин, не из разряда стойких противников — уж больно плескался ужас в глазах пацана при виде расправы над его дружками, — референт сменил подход от жестокого к внезапно мягкому. Именно такая метода обычно эффективно действует на трусов, не управляющих своей волей, смятенных и паникующих предателей. Нужно только расчетливо, не перегибая, поводить его еще немного на кукуане, на удочке, а потом выждать момент — гаркнуть, что есть силы, — и сломать. Чтобы в дальнейшем удерживать без труда под своей опекой. Хороший пулеметчик нужен боевке всегда, нужен он сейчас, сегодня. Ведь крас-

нолапые прут на немцев косяком, прут неудержимо, значит, и УПА* наступит амба, конец, кранты, куда тикать, как спасти документы, боевку?

Ярый наконец вызвал Поречного на допрос. И вел его мягко, без крика и рукоприкладства, лишь изредка просверливая обмякшего пленника угольными буравчиками. Колька, вечерами и ночами мечтавший при первой же возможности сбежать из боевки, пользуясь тем, что свидетелей его трусости не осталось в живых, думал, что все авось проскочит. Вот только Ярый... Он требует вновь и вновь давать письменные показания, переписывать их трижды в день. Видимо, пытается поймать на каких-то разногласиях, нестыковках. Но нет, у Поречного в ответах все вроде сходится. Значит, не врет малый. А коль не врет — получай жратву и прогулки под присмотром.

И Колька Поречный хлебал сытую лесную похлебку, видел свет в щелях сарая и слушал пение птиц, считая дешевое свое существование, купленное ценой измены, все-таки жизнью.

Пройдет еще несколько дней, и, пряча глаза от иронично посматривающих на него лесных братьев, Поречный получит из рук Буревого полуавтоматическую винтовку, к ней двадцать патронов, отдельно штык и две гранаты. До зброи! Колька начнет осваивать особенности боевых действий в лесных условиях при наличии малых подвижных сил. Без артиллерийского прикрытия.

А Ярый тем временем поручил Марте подшить в отдельную папочку все показания и конечное обязательство «курсанта» Поречного, написанное под диктовку референта: «Желаю работать совместно с Украинской повстанческой армией* до полного разгрома москалей, поляков, жидо-большевистских оккупантов и всех врагов Украины и создания Украинской Свободной Державы».

С того самого дня настоящая фамилия пулеметчика была забыта. Кличку ему дал образованный Савка. Кличку убийственную: «Задерживост». Бандиты гоготали, а играющий желваками, сумрачный Савка пояснял Ярому: «От ты побачишь (Савка единственный из приближенных, точно так, как Гесс у Гитлера, наделен был привилегией обращаться к главарю на «ты»), от ты побачишь, смотается от нас этот сучонок. Зря ты пригрел гада большевистского, его ж по роже видно — Задерживост».

Вот так имя маленькой безобидной птахи стало бандитским псевдо нового боеваря Николая Поречного. Позорное для человека имя. Но... Как народом сказано: «По шерсти и кличка!»

Из инструкции для боевков сб на территории Калушского округа

«Боевики являются охраной для руководителей и одновременно выполняют различные поручения руководителей. При встрече с врагом боевик должен быть отважным и достойным, собратьев в бою и не покидать своих друзей, а стоять отважно в обороне. Боевик должен не оставлять раненых во время боя, а оказывать им помощь. О работе, которую боевик выполняет, он не должен говорить никому, лишь своим руководителям. Боевик не должен давать живым в руки врагу. Такой боевик перестает быть членом организации и одновременно становится изменником Украинской нации.»

ФИНИШ ЭСТАФЕТЫ

Как ни бесшумно крался лазутчик по предутренним еловым посадкам — натренированный слух сержанта Балугева засек его движения. Солдат тут же вскинул ладонь, подав условный знак командиру. И руководитель оперативной группы — следователь районной милиции майор Боруля — резко выскочил на лесную стезжку для перехвата. Но тут же, не столько услышав, сколько почуяв близкий посвист встречной пули, он с фронтальной сноровкой бросился за сломанный буреломом пень и оттуда прокричал: «Сдавайся, бандюга, все равно не уйдешь!»

Но лишь треск хрустящих под ногами сучьев был ему ответом. Прожженный бандеровец Савватий Фецюк, посланный с небольшим засургученным пакетом — «штафетою» — в главный провод, удирал от красноармейского истребительного батальона «ястребков» что есть мочи. Ветки кустарников наотмашь хлестали его по черным, давно не бритым щекам. Сапоги, разъезжаясь, скользили по жухлому октябрьскому листу, едва прикрывавшему глинистую почву. В лицо из-под ног, бомбивших лужи, и откуда-то сверху, наверное, с верхушек деревьев, слетали за шиворот и неприятно обдавали холодом ледяные брызги. Вестовой мчался, обуянный смертельным страхом.

Ему уже не хватало дыхания. Сладкий привкус крови обжигал жадно, с хрипом хватающую воздух глотку. Пот, ручьями струясь из-под шапки, заливал глаза и липко растекался за воротом нательной рубахи. Ныло и просило отдыха, пощады измученное непосильным бегом тело. Но не было сейчас силы, способной остановить самого яростного боеваря из боевки «Черные черти».

Савка сам достаточно напрактиковался в засадах на потайных тропах, чтобы знать, какой бешеный зуд охватывает тебя во время поиска, погони и поимки беглеца. Профессионалу-охотнику, настигающему зверя, — и тому не подняться до таких вершин азарта, как тут, при ловле живого человека. Чего стоит хотя бы та сладость, когда убежавший, предвкушая спасение, вдруг никнет мордой в грязь, сбитый наземь из-под кустов твоей безжалостной подножкой. И ты крутишь ему, обессиленному, парализованному от страха руки надежной веревочкой-матузкой и тащишь потом волоком на расправу — под могучие кулаки и сапожища опьяненных жаждой власти лесных братьев. Боялся Савка, что сейчас точно такая же расправа грозит и ему, убегающему. Вот, вот... вот дышат в спину, настигают его след в след распроклятые москали, хай бы молнии, нехай бы блискавки поубивали, повывали кожного из них!

Но не только страх перед задержанием подгонял Фецюка. Он, во что бы то ни стало, обязан был, но не мог, никак не мог избавиться от невесомого и в то же время громадной тяжестью давившего на него засургученного пакета, той самой «штафеты»-эстафеты.

Лихорадочно, насколько позволяло расстояние, а оно все сжималось между ним и преследователями, Савка бросал взгляды по сторонам, выматривая мало-мальски укромное местечко — яму, балку, ложок, окопчик, заросли поглуше, позволяющие затаиться хотя бы на две минуты, достаточные для того, чтобы хоть чиркнуть спичкой. И, к ужасу своему, не видел ничего подходящего.

Где же, где сжечь, как полагается по инструкции боевику, сложенный в малюсенький квадратик листок «штафеты»? Будь она трижды про-

клята, эта стоящая ему теперь жизни бумажка! Зачем только он согласился ее доставить, если прежде никогда не ходил связным? Собирался же в этот край Буревои, пусть бы он и рвал сейчас когти от «ястребков». Вон как без устали несутся они сейчас за ним по пятам, аж гай гудит! Сколько их там, злыдней — оперов, пять, семь, больше? А если меньше, может, есть смысл залечь вон под тем барбарисом и шарахнуть по ним гранатой, пусть завоют москаляки, поцелованные осколками. Ух, как прут схидняки чертовы, несутся напролом и не думают останавливаться. Матинко ридна, где же искать спасение?

Сибиряк Балув, парень ловкий, сухой, поджарый, из вчерашних промысловых охотников, действительно находился в азарте. Только не в том, зверском, чтобы изловить, затоптать, забить человека до смерти. Сержанта вели устав и присяга. И только во имя них рождался огненный пыл — не дать уйти беглецу-бандиту.

Не восстановившийся после недавнего ранения командир «ястребков» Боруля безнадежно отстал. Привалился к сосновому стволу, приводя в порядок прерывистое дыхание, приложил руки к груди и, отчаянно рванув крючки майорской шинели, хрипло благословил Балуву: «Андрюха, если не догонишь — стреляй, он, подлец, все равно, вне закона».

В драке с таким многоопытным верзилкой, как Савка, навряд ли мог положиться на себя Балув — обладатель незавидных физических кондиций. Не сказать, чтобы совсем уж щупленький или хилый был солдат — дома, в красноярской тайге, ого-го сколько, бывало, с отцом на лыжах отмахивал. Но ведь для драки дышалки мало, тут особая дюжесть кулакам и проворность телу нужна. То, чего ему, мастеру по стрельбе — хоть навскидку, хоть прицельно, — сейчас не хватало.

Выскользнув на пересечение двух мшистых тропинок, Балув распластался под мохнатым кустом бересклета. Заученно укрепил в изумрудно-мшистой расщелине у корней ствол родненькой десятизарядной СВТ — безотказной снайперской «светланки».

И едва выплыла из сумеречного полумрака согнутая фигура Савки, перебежавшего край обрыва в направлении непролазной чащи, хладнокровно, как на учениях, захватил его в прицел. «Стой, стрелять буду!» — крикнул он бандиту. Топот не замедлился. И тогда, прищурившись, Балув плавно повел мушку по ходу движения бандеровца. Выждав неуловимое мгновение, когда цель появится особенно четко, снайпер уверенно потянул на себя стылый курок. И Савка тут же, как косою подкошенный, плюхнулся, взмахнув руками, в мокрый после дождя рыжий песок. Два шага не добежал до кромки спасительного увала...

Только гнавший на полонину стадо коз пастух встретился на пути небольшому отряду. Труп Фецюка, завернутый в плащ-палатку, затащили в здание милиции. Там обыскали, подробно запротоколировав все, обнаруженное в одежде. На застеленный пожелтевшей газетой стол майора Борули легли немецкий пистолет «Вальтер» с удлиненным стволом, две обоймы к нему, две гранаты «лимонки», обязательный для боевиков двухметровой длины шнур, пара черных сухарей... В нагрудном кармане обнаружилась школьная, по всей видимости (это выдавал кружевной белый передник), фотокарточка улыбающейся, белозубой дивчины с виньеточной надписью «Марта». А само секретное послание — «эстафету» — нашли с внутренней стороны исподней бязевой рубахи убитого. Мелко исписанный химическим карандашом листок из школьной тетради в клеточку содержал то ли характеристику, то ли биографию некоего референта Ярого.

Подойдя к заброшенному толстой решетчатой окну, откуда падало больше света, тяжело дышащий Боруля, болезненно потирая левую сторону груди, читал вслух рукописный текст — то ли чью-то биографию, похожую на анкету, то ли эту самую нескладно изложенную анкету от третьего лица.

«Окончив начальную школу, записался в Станиславскую 1 гимназию, потом работал до прихода большевиков. Когда они пришли — бежал за кордон, в Германию, где ходил в их школу. Позднее работал в Кракове, в гестапо. Там и работал до войны между немцами и большевиками. С приходом немцев во Львов уехал домой, потом в Галич, там работал в книжном магазине при окружном проводе в “безпеке”. В 1942 году женится. В 1942 году к нему приезжает домой “Мытор” и читает приговор о снятии его с поста на рядового члена за уклонение от активной работы.

Три месяца он находился без дела, его пост занимает проводник “Яр”. Потом он получает приказ от своего шефа ехать в Белую Подлеску на работу на свой пост. Но фронт приближался, и на работу он туда не поехал, оставался еще два месяца дома. В 42-м году, в марте, получает приказ от своего проводника явиться к нему и находиться у него в боевке. Потом с боевкой едет в Карпаты, уничтожает большевистские отряды и военнопленных.

Там был до перехода линии фронта. Потом уходит в Черный лес, становится проводником боевки и одновременно секретарем “Скалы”. При большой облаве большевиков на Черный лес погиб “Мытор”, Ярый отбил от отряда, попал в боевку “Резуна”. Скоро сам стал проводником этой боевки. Потом находился в Галицком повите, где скрывался в бункере. Переждав приход большевиков, снова приступил к активным действиям...»

Дочитав последнее предложение, Боруля тут же кинулся накручивать ручку ящика-телефона, вызывая Станиславское управление государственной безопасности.

К вечеру человек с чекистским удостоверением прибыл, как было условлено, час в час. Почти не задавая вопросов, выяснил все подробности утренней операции. Сам позвонил своему начальству. А затем, аккуратно касаясь трофеев носовым платком, сложил их в небольшой чемоданчик, взял в сопровождение сержанта Балуюева и отбыл на поджидавшем его полевом «Газике» в сопровождении еще двух автоматчиков в обратный путь.

ОПЕРАТИВНЫЕ ДАННЫЕ

по розыску особо опасного преступника

Ляхно Ярослава Трофимовича (он же — «Ярый», «Ярослав», «Черемшина», «903» и др.)

*Уроженец села Семикивцы Жовтневского района Станиславской области Ляхно Ярослав Трофимович из крестьян, гражданин СССР. В данное время находится на нелегальном положении. С 1942 года — участник банды ОУН-УПА**. Под организационным псевдонимом «Ярый» занимал положение сотенного. С весны 1943 года Ярый был направлен как руководитель боевки СВ в бывший Перегинский район для ведения борьбы против советских партизан, разведчиков и местных активистов.*

Будучи членом организации украинских националистов, он со сво-

ей боевой преследовал цель отторжения Украины от СССР и создания так называемой свободной Украины с буржуазной формой правления.

С целью конспирации и личной безопасности Ярый вооружен огнестрельным оружием и действует под другими псевдонимами — «Ярослав», «Черемшина», «Беркут», «Тай» и цифровым (903). Задержанных в засадах во время бандитских вылазок советских партизан, бежавших из плена узников, в том числе мирных граждан, а также красноармейцев — парашютистов и местных активистов — Ярый допрашивал лично, о чем составлял машинописные протоколы. После допросов большинство задержанных им же физически уничтожалось...

Глава 4

ПОД ГЛУХИМИ МУНДИРАМИ СС

Задумываясь над бандеровской политикой, целями и средствами достижения этих целей, поневоле приходишь к выводу, что вся эта изоциренная структура была позаимствована у фашистов «от» и «до». И не просто позаимствована, а жадно прихвачена, как наиболее устраивающая форма управления подчиненными на всех уровнях.

Слепое копирование «образца» начиналось с штатной иерархии. Различия с фашистской Германией среди нижних чинов шли таким образом: беспартийный немец, нацист, штурмовик, эсэсовец. Среди руководителей: блоклейтер, ортсгруппенлейтер, крейслейтер, гаулейтер. Нечто подобное поспешили внедрить у себя и бандеровские главари, едва успев в начале войны ворваться во Львов, чтобы провозгласить там свое «Украинское государство». Кстати, эта спешка не была одобрена штабистами немецких войск и фюрерами СС как слишком уж «самостоятельный» шаг пусть и добровольных, но все-таки чуждых арийцам по духу «помичныкив» — помощников. Хозяин — он ведь знает, на какую длину можно отпускать поводок, накинутый даже на послушного пса.

Чины и посты у бандеровцев зависели от степени угодничества и количества осуществленных кровавых дел. Удивляться профашистской сущности бандеровцев не приходится. Ведь кто, как не гитлеровский оберпалач Генрих Гиммлер направлял движение оуновцев**, этих предателей Украины, сущих вырожденков-головорезов? Гиммлеру подчинялись все формирования жовто-блакитних (желто-голубых), он был их высшим персональным фюрером. А трагический парадокс между ничтожеством «фюреров» духовно плюгавых пигмеев и гигантскими жертвами убитых во Второй мировой войне очевиден. Жаль только, что особенно очевиден он становится не сразу, а по истечении времени, с высоты прожитых лет, когда история находит возможность выставить свои объективные, неоспоримые оценки. Знала их нынешняя Украина 2020-х годов? Конечно, знала. Но не прислушалась, не захотела прислушиваться. Более того, с остротенелостью нацистов кинулась в драку с Россией, подарившей ей богатые пространства. Расплачивается...

Посмотрим же, кем был Гиммлер — тот самый фюрер кучковавшихся под желто-голубым флагом «защитников и радетелей свободной Украины»? Грегор Штрассер, у которого, как одного из первых главарей штурмовиков в 1930-е годы, Гиммлер был в услужении в качестве секретаря, так писал своему брату Отто о ближайшем помощнике: «Гиммлер — из

семьи ревностных католиков... Профессии никакой, зато есть мотоцикл». Проступающий сарказм очевиден. Только неизвестно, прочитал ли Гиммлер эту краткую, но исчерпывающую характеристику на себя. Известно иное: в скором времени услужливый секретарь Грегора Штрассера по указу Гитлера распорядится застрелить своего шефа, у которого верноподданнически служил адъютантом.

Тем самым Гиммлер в точности повторит действия обожаемого Адольфа Гитлера, который тогда же, в «Ночь длинных ножей» — 30 июня 1934 года — приказал расстрелять в числе неугодных и пастора Штемпфле, в некотором роде своего учителя, познавшего умственное убожество автора «Майн кампф» редактируя, а точнее, бесконечно правя бессвязную мешанину гитлеровских идей.

Возможно, сын мюнхенского учителя, баварец до мозга костей Генрих Гиммлер и сам привел бы приговор по отношению к своему вчерашнему шефу Штрассеру в исполнение. Но дело в том, что Гиммлер — идеолог «третьего рейха» и архитектор воображаемой «Великой Германской империи» — отечества чистопородных арийцев, которому стоять тысячу лет и больше, — сам, лично смотреть на казни не мог. Убивал из политических расчетов, столько, сколько стоял у руля. Но смотреть непосредственно на процедуру убийства не мог. Такая вот слабость и такое извинительное несовершенство.

Бедняге Гиммлеру всю жизнь, начиная с отрочества, всегда в чем-то не везло, чего-то существенного не хватало. Мальчишка как мальчишка, но близорук. Примерный ученик, но имеет плохие отметки по физкультуре. Вырастает в юношу, а попить с приятелями пива не может: страдает желудком. А ведь жить в Баварии — и не пить пива... Нет, это далеко не пустяк, это сразу же заставляет окружающих задуматься: кто же перед ними? И очень подозрительными оказываются такие размышления. Бывшего владельца птицефермы Генриха Гиммлера поначалу в нацистской партии всерьез не воспринимали. Когда у него было лишь двести человек в отряде, нацистские бонзы могли подшучивать над неудальным баварцем, порой даже называя его «Гиммлер-навоз». Но всему свое время...

Германию все больше окутывала мгла. Марши, флаги, штандарты, свастика, дикие воззвания, факельные шествия, рев специально наняемых молодчиков и взывающие к темным инстинктам, накаляющие до иступления речи человека с перхотью на голове, воротнике и плечах, с ниспадающей на лоб косой челкой. Человека, который в течение семи лет, с 1925 по 1932 год, жил в Германии без паспорта и германского гражданства — Адольфа Шикльгрубера. Беззастенчивая, дикая ложь, пропаганда человеконенавистничества под камуфляжем помпезности и грандиозности, все будет пущено в ход этим самым человеком без паспорта — Гитлером и его сворой.

Эта идеологическая банда деловито перевернет философию Ницше, который не был закоренелым антисемитом и не восхищался пруссачеством, перевернет Артура Шопенгауэра... И философия нацистов будет обращена не к человеческому разуму, а к звериным поступкам, мрачному подсознанию. «Ненависть более длительна, чем неприязнь», — заявит в своей книге «Майн кампф» наци № 1. «Наша влада повинна быть жестокою владою!» — «Наша власть должна быть жестокою властью!» — надрывался, кликушествуя, Степан Бандера.

Исходя из гитлеровской логики, в середине двадцатых годов в Германии будет создана мобильная нацистская армия под названием «Штурц Штафель» «Охранные отряды» (СС), обряженные в такую же форму, как у штурмовиков, только черного цвета, который приглянулся Гитлеру в отрядах итальянца Муссолини.

«Я знаю, что есть в Германии и такие, кому при виде наших черных мундиров делается дурно, мы можем их понять», — сыронизирует Гиммлер. К этому времени он будет идти по стопам своего шефа — Штрассера.

Квелый баварский парень займет место наставника по партийной работе в Ландсхуте, войдет в первый контакт с Гитлером, когда тот отберет у Штрассера пропаганду. И до 1930 года сам будет ее вести, а потом передаст колченомому уродцу Геббельсу. Некогда Герман Геринг — «наци № 2» — мог откровенно издеваться над Гиммлером, считая его помешанным. Баварец стоически терпел уколы всемогущего командующего германской авиацией, «Люфтваффе»: перед рейхсминистром не огрызаются. Он ждал, верил, надеялся, что взойдет его звезда. И дождался! Это ему, а не кому-либо другому фюрер поручил в «Ночь длинных ножей» ликвидацию некогда близких людей. И каких высоких людей! Первооткрывателя Гитлера, гомосексуалиста и ближайшего сподвижника фюрера Рэма. Всемогущего покровителя СА Рэма убили в камере тюрьмы два эсэсовца после того, как он откасался сам застрелиться. Между прочим, тогда же высказывание Гитлера о том, что людей, отсидевших в тюрьме, лучше убивать, Гиммлер примет к исполнению сразу же и навсегда. И никому из попавших в гестаповские тюрьмы даже по ошибке возврата не будет. Практика не должна расходиться с теоретическими воззрениями «наци № 1».

Через двадцать дней после «Ночи длинных ножей» блестяще проявивший себя «Гиммлер-навоз» сделает головокружительную карьеру: станет подчиняться лично фюреру. В свою очередь, ему — уже рейхсфюреру СС, члену кабинета, то есть министру — станет подвластна вся служба безопасности нацистской партии, вся сеть осведомителей и шпииков внутри страны. Еще через два года Гиммлер — начальник полиции, в его руках сосредоточена вся полицейская власть Германии, маленькой страны, где на 470 квадратных километрах проживало более 65 миллионов человек.

Гиммлер создаст два огромных управления: полицейское, во главе с Далюге, действующее внутри Германии, а с началом войны вобравшее в себя еще и карателей на фронте; и службу безопасности во главе с Гейдрихом, включающее тайную полицию — гестапо.

В годы войны СС — «охранные отряды» — достигнут одного миллиона человек. Сюда войдет известная дивизия «Мертвая голова», прославившаяся охраной концентрационных лагерей и карательными акциями крупного масштаба. На службе в полиции будет 140 тысяч человек, в службе безопасности (СД) — около 70 тысяч, в гестапо — 40 тысяч служивых.

На зависть Йозефу Геббельсу — министру пропаганды и народного просвещения, ведающему печатью, радио, литературой, искусством, общественными науками, решающему генеральную задачу — нацифицировать все округа Германии, — сбылась мечта «Гиммлера-навоза»: он получил государство в государстве! Новые питомцы Генриха Гиммлера — бандеровцы — на свои жовтно-блакитни стяги тоже поднимут, как девиз, гитлеровскую идеологию с ее ложью и невиданным коварством, бесчестностью и неимоверной хитростью. Слепок сегодняшнего дня со вчераш-

него. Многие очень зримо угадываются в малом, четко характеризую суть вещей.

Вот — актер комического амплуа, криворожский шутник-самоучка Володя Зеленский, по странной биссектрисе вознесшийся до Президентского трона. Участь комедианта четко можно предсказать по судьбе гончара Теренция из Фейхтвангеровского романа «Лже-Нерон». Но сегодня он же «с булавой», он гетман, он — вчерашний персонаж третьесортных юмористических фильмов — «ручкается» с владыками континентов, вон с кем и вон с кем... Могло ли ему это даже в самых сладких снах присниться?

Недоучка Адольф Гитлер мог без стеснения проставлять в анкетах «профессиональный художник» или «писатель». Без всякого преувеличения собственной персоны, он считал себя лучшим архитектором Германии. И кто бы посмел ему противоречить! Под стать фюреру образовывался и «приход». Председатель гитлеровской «Имперской палаты по делам литературы» драматург Йост заявлял: «Когда я слышу слово “культура”, мне хочется выхватить револьвер». «Зайка от культуры и искусства» — одно из любимых выражений фюрера. С помощью вот такой красноречиво говорящей самой за себя «идеологии» гитлеровцы пытались изменить саму систему мышления, логику и моральные критерии людей, действуя с дьявольской изощренностью и приучая к этому своих наймитов и сателлитов. Нет, не просматривается ли подобное в новом веке в стране-соседке со столицей, раскинувшейся над Днепровской кручей?

Гиммлер был больше всех соратников фюрера посвящен в его истинные планы. Сатрап доверял сатрапу, надеясь на полное взаимопонимание. Гиммлер знал, что расовая теория, проповедуемая «наци № 2», сводится не только к абсолютному господству фюрера над всем немецким народом и над каждым немцем в отдельности, а и к покорению остальных народов, рабству одних и безраздельному господству других.

Гитлер не скрывал: «Антисемитизм — самое сильное оружие в моем пропагандистском арсенале». Гиммлер, не раздумывая, претворял слово своего божества в дело, создавая гетто по всем оккупированным областям, обрекая миллионы безоружных, несчастных людей на ужасную смерть. Верный подручный Гитлера по его прямому указанию перешел со своим воинством в Европе к физическому уничтожению целых народов и этнических групп. В этом людоедстве, форменном канибализме Гиммлер в свою очередь нашел полную поддержку в среде таких же хищников — националистов-бандеровцев. Жертв своих палачи никогда не жалели, проявления какого-то там гуманизма были им совершенно чужды. Они жалели... себя. Жаловались, что им выпадает непосильная тяжесть при проведении карательных акций. А жертвы? Что жертвы! Гиммлер совершенно определенно интерпретировал идеи фюрера на свой лад: «Русские — это рабочий скот, у которого нет никакой культуры». Ясно, доходчиво — что называется, по-гитлеровски!

Фюрер, нагло не считавшийся ни с какими пактами и мирными договорами, мог позволить себе пофилософствовать, заявляя: «Когда начинаешь войну с Советским Союзом, кажется, что открываешь дверь в темную, незнакомую комнату, не зная, что там, за дверью». Рейхсфюрер СС Гиммлер в своей берлинской резиденции на Принц-Альбрехтштрассе, размещавшейся по соседству с Министерством иностранных дел («Контрой Риббентропа»), не философствовал, а действовал.

Полновластный шеф слал конкретные указания своим подчиненным.

Начальнику имперского управления безопасности СС, своему верному помощнику обергруппенфюреру СС Эрнсту Кальтенбруннеру: «На Урал нужно забросить диверсантов, чтобы они распространяли там инфекционные заболевания и срывали поставки боеприпасов, продовольствия, вооружения». Следом пунктуальный Гиммлер приводит длинный список рекомендуемых заболеваний. Позже с такой же хладнокровностью Гиммлер отдаст свое распоряжение о Варшаве, красавице-столице: «Каждый дом взорвать, каждый дом сжечь дотла».

Читают ли документы истории в сегодняшнем польском сейме?

Таков был стиль главного полицейского дьявола, сущей гитлеровской сатаны! Двоеженец, живший на две семьи, махровый фарисей-желудочник, не потреблявший в соответствии с уставом СС ничего, крепче лимонада (даже шампанское), Генрих Гиммлер, весь путь которого — чудовищная ложь, измена, трупы, будет клясться Гитлеру: «Унзере Эре хайст Фройе!» — «Наша честь — это верность!» И фюрер до последних дней жизни будет верить своему любимцу, так обожаемому «Верному Генриху». Именно ДО последних дней жизни...

А 29 апреля 1945 года, в преддверии крысиной кончины, Гитлер будет заклинать Грейма (наместника министра авиации Германа Геринга) накануне его отлета из Берлина, чтобы тот разыскал и захватил Гиммлера, отдал его под полевой суд и расстрелял.

Гитлер в написанном им за день до смерти завещании предаст анафеме главного нацистского палача, практика всех кровавых репрессий и министра внутренних дел: «Накануне моей смерти я изгоняю из партии бывшего рейхсфюрера СС и имперского министра внутренних дел Генриха Гиммлера и лишаю его всех постов...» Вот такая расплата за переговоры крысы о сепаратном мире с американцами, про которые узнала разведка и доложила фюреру.

Но Гиммлер не попадет ни под полевой суд, ни под суд сотворенного им же гестапо. Избежит он и праведного суда над главными нацистскими военными преступниками в Нюрнберге, который начнется 20 ноября 1945 года. «Наци № 3», которому в зачет многочисленных злодеяний относится и прямое руководство бандеровскими зондеркомандами, главарь формирований СС, публично осуждавший самоубийство эсэсовцев, сам примет яд, когда вконец убедится, что созданное на крови и костях здание третьего рейха рухнуло и его уже не восстановить.

Самоубийство было, пожалуй, единственным, в чем баварскому зверю-недотепе повезло, иначе плакала бы по нему намыленная в руках американского сержанта Джона Вуда веревка — верная исполнительница Нюрнбергского трибунала!

Глава 5 **«ИСКРА» И ПЛАМЯ**

Нам нужно все-таки вновь вернуться в дни войны, рассказать о некоторых негромких делах советских бойцов и героях, чьи имена удалось восстановить из прошлого, пройденного, но незабытого.

В первой половине сентября 1943 года по приказу штаба партизанского движения при Военном совете Воронежского фронта был сформирован отряд «Искра». Партизаны успешно действовали в тылу противника на территории Киевской области. Через полгода приказом командования 2-го Украинского фронта «Искра» была направлена на диверсионные опе-

рации в занятию фашистами и бандеровцами Станиславскую (с 1962 года Ивано-Франковскую) область. Командовал отрядом саратовец, лейтенант Георгий Кулагин.

Партизаны пешим порядком перешли линию фронта в районе Богородчан, что в семнадцати километрах юго-западнее бывшего польского королевства Станислав, и вышли в тыл врага. О ходе выполнения задач командир отряда сообщал по радию. Но недолго. Внезапно связь прекратилась, что внесло беспокойство и тревогу в штаб фронта. Что случилось? Ведь все, запрашиваемое партизанами, было отправлено самолетом в точно обусловленное место, в точно назначенное время. Так почему же молчит «Искра»?

Как впоследствии выяснилось, самолет У-2, посланный для выброски груза в намеченный район партизанских действий, свое задание выполнил. В полном соответствии с координатами были сброшены питание для радиостанции, топографические карты, продовольствие и другое нужное отряду имущество. Но «Искре» забрать посланное фронтом подкрепление не удалось. Тесно давила блокада гитлеровцев и бандеровцев. Любимец партизан, бесстрашный и самоотверженный лейтенант Кулагин трижды организовывал попытки прорыва, но все они оказались безрезультатными, так плотно охватили кольцом бандеровские шайки все пути отхода яростно ненавидимых ими «ковпаковцев».

И все-таки зажатая врагом маленькая «Искра» не сдавалась, продолжала сражаться, как могла. В том бою осталась навеки девятнадцатилетней медсестра Тамара Яковлевна Белякова, уроженка по ее тогдашним документам села Верхний Икорец Верхне-Икорецкого сельского Совета Бобровского района Воронежской области. До войны, после школы-семилетки, Тамара поступила в педагогическое училище, которое успешно окончила. Мечта сбылась — с дипломом учительницы девушка увлеченно вела занятия в младших классах. А когда началась война, решила идти на фронт добровольно. Войсковую специальность не сообщала, известила родных лишь о номере полевой почты.

По пять-шесть месяцев не приходило от нее весточек домой. Потом мама получила коротенькое долгожданное письмецо: «Прости, родная, что не писала, была на боевом задании». Где именно приходилось выполнять боевые задания и какая роль ей в них отводилась, девушка по вполне понятным соображениям не сообщала. Со второй половины 1944 года писем от Тамары не приходило совсем. Ждали их мама и брат Володя день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем... Встретили День Победы. А Тамара Белякова, судя по официальным ответам, так и продолжала числиться пропавшей без вести. Пройдут годы, сомкнутся круги десятилетий. Только тогда узнают Беляковы очень далекое от их родного дома место гибели дочери и сестры. Это чекисты, стремясь быть скрупулезно точными в расследовании большого и малого, помогут восстановить сквозь призму ушедшего времени подробности того последнего трагического боя...

Отряд «Искра» был окружен в лесном массиве между селами Майдан и Слуква. Бойцам противостояло две сотни врагов. Опыт лесных боев «благодаря» нашим партизанам немцы к тому времени приобрели немалый. Их соединение заученно разделилось на две равные части: одна приступила к методическому прочесыванию чащи в направлении дорог, другая, рассредоточившись засадами, перекрывала возможные пути отхода.

Сжались бойцы в кулак вокруг своего командира, за лихость и отва-

гу носившего дружескую кличку «Жора золотой». На головных уборах каждого искровца пришита справа налево красная полоска: надо различать своих, если вдруг врежутся в массу отряда бандеровцы. Несмотря на отчаянность положения, ни у кого на лице не прочитаешь ни паники, ни трусости. Бледны, настороженны, но не смятенны, теплится у партизан зыбкая надежда на то, что и в этот раз все обойдется, уйдут от врага.

Некому тут произносить громкие слова, бойцы сами прекрасно понимают и о присяге, и о клятве на верность Родине. Нужное слово может сказать только командир. Подбадриваемые им, ребята сражались с удвоенной яростью. Но все же силы противника были подавляющие. От нашего разгромленного отряда осталось только семнадцать бойцов.

Убили фрицы комиссара Василия Телешко. Никогда не гнушавшиеся мародерством бандиты сноровисто обшарили его труп и наткнулись на список бойцов рядового и командного состава «Искры». Затаившись в кустах, бандеровцы громко, нарочито гнусаво, выкрикивали фамилии наших бойцов, живых и павших, развлекаясь тем, что кто-то из них же, бандитов, каждый раз отвечал коверканно по-русски: «Здесь!»

Тамара Белякова старалась далеко не отходить от заболевшего накануне боя малярией начальника штаба Сергея Артамонова. Угораздило же его, синеглазого спортсмена-здоровяка родом с Тамбовщины, схватить опасную хворь. Начальник штаба бредил. В минуты просветления резко скидывался, хватался за оружие. А Тамара кусала губы от беспомощности: на нехватку медикаментов в походной аптечке грех было жаловаться, разных лекарств доставало. Но вот хины — ни грамма. Только и могла девушка в секундные передышки прикладывать платок к потному лбу Артамонова, да еще всовывала сквозь его плотно сжатые зубы противовоспалительную таблетку.

«Искра», маленькая бесстрашная искорка погибала, но не сдавалась. Резал смертельными для врага рваными очередями установленный на сошках пулемет Дегтярева. Пусть разрозненно, а все же били по фашистам автоматные, винтовочные и пистолетные выстрелы. Одна из трех отрядных санитарок, маленькая и ловкая, как акробатка, Ольга, забралась повыше на густую ель. Чтобы не сорваться, пристегнулась к дереву широким ремнем. За густыми ветками высмотрела цель — фашистского офицера — и по-снайперски точно, выстрелом прямо в лоб свалила его наповал. По-детски вскинула руки, ликуя от удачи, да так и повисла на дереве, изрешеченная десятками вражеских пуль.

Командир отряда Георгий Кулагин, смертельно раненный в живот, слабел от потери крови. В затмевающей взгляд дымке он все же сумел различить двух набегавших бандитов. Одного сумел сразить выстрелом. А второй через мгновение навис рядом, пытаясь захватить командира живым, как было приказано боевикам в начале операции. Но последняя пуля, выпущенная Кулагиным себе в висок, не дала врагам возможности поглумиться над советским командиром.

Бой стих. Бандеровцы оттащили от Артамонова убитую Тамару Белякову, а умирающего начальника штаба понесли на плащ-палатке к своим главарям, вместе с немцами угодливо подхихикающими после благополучно завершившейся для них схватки. Среди скудных трофеев боевари обнаружили полевую сумку командирского образца, принадлежавшую Кулагину. Вытащили сшитый суровыми нитками блокнот, испещренный карандашными записями. Выбрав удобный пенек, Ярый устроился на нем, внимательно вчитываясь в потертые от времени строки по-

ходного дневника Кулагина — боевого командира, окончившего краткосрочные офицерские курсы, не дававшие, естественно, широкого образования. Потому с грамотностью у Георгия было не все в порядке, над чем и похмыкивал дюже грамотный недавний директор книжного магазина Ярый.

«По заданию правительства отправляемся на передовую, — косо-криво записывал Кулагин, трясаясь, видимо, в вагоне товарняка на разбитых стыках военной железной дороги. — Все время едем весело, с аккордеоном и хорошим настроением. Как-то радостно встретиться с людьми новыми и знакомой природой.

24 апреля. Наша разведка с начальником штаба наскочила на засаду мадьяр. Одного мои бойцы убили, двоих ранили, взяли хороший трофей — пулемет. В тот же день при выходе из поста на диверсию наткнулись на дозор бандер. Поймали всех троих, обезоружили, поговорили с ними и отпустили (это была политика), чтобы передали там своим — сдавайтесь.

25 апреля. Бой с бандеровцами. Результат: у них два ранено, три убито, забрали мы одного коня и лагерь со всем имуществом, наших потерь нет. А бандеры, я теперь понял, открытого боя не выдерживают, они мастера из засады нападать, а еще на раненых и безоружных, настоящие бандиты!

2 мая. Отказала походная рация, и похоронили мы пожилого воронежца Федора Ивановича Марчука под Грабовкой. Я у него учился хладнокровию, никогда не теряться. Бесстрашный был солдат, троих уложил, и если бы не граната...

9 мая. В 10 вечера пущен под откос немецкий эшелон, шедший с Долины с живой силой, а главное, с техникой — танками. Убито до 45 немцев, выведено из строя семь танков...»

Это была последняя запись «Жоры золотого». Не мог знать лейтенант Кулагин, что жить ему остается совсем немного. Что еще целый год отделяет бои Красной Армии в Прикарпатье от полной победы над фашизмом и водружения победного знамени над поверженным Берлином. Что дневник советского героя-офицера прочитают враги. Но прочитают и потомуки, за свободу и счастье которых командир «Искры» сражался как настоящий патриот до последнего патрона.

Не знал. Но верен был солдатской присяге и воинской клятве до конца. Потому на него, даже мертвого, с такой ненавистью и одновременно с нескрываемым любопытством долго смотрел главарь банды.

Из инструкции для боевиков на территории Калушского округа

Боевик обязан:

Иметь при себе шнурок, чтобы при необходимости связать арестованного. Следить за каждым движением арестованного, чтобы он не бросился на боевика и не убежал. За освобождение арестованного из-под стражи боевик карается расстрелом. Во время дежурства возле арестованного не разрешается спать. Все время оружие держать наготове.

Ответственность и дисциплина

За незначительные проступки — стойка, марш, голодовка. За дерзительство, присвоение себе вещей без разрешения руководителя, за невыполнение приказа — расстрел.

Что боевик должен иметь при себе

Короткое автоматическое оружие, пистолет и две гранаты, штык или кинжал и два метра шнура. Обмундирование: гражданскую и военную одежду, сапоги и ботинки, три пары белья, кроме того, вещмешок, одеяло, палатку, часы и прибор для бритья.

Глава 6

«ЗНОВУ БУЙНО КВИТНЕ “ЧЕРЕМШИНА”»

Ночь, плотная и густая, как ковдра, которой занавешивают с вечера окна в хатах, висит над селом. Ни звука, ни — боронь боже! — огонька. Кругом все как вымерло. Собаки — и те не брешут, перестреляли их фашисты и бандеровцы, мешают псы-добряги этим двуногим злым псам творить черные дела. Лишь узенький серпик бледного месяца освещает краешек неба.

Крадучись, вышагивает по сельской улице небольшой отряд. Ведет его невысокий, крепкий мужчина в гражданском пальто польского покроя. На голове — черная суконная кепка, на ногах — поношенные цивильные ботинки. Под пальто френч с накладными карманами, из-под него торчат бутылками брюки-галифе. Обычное одеяние военного начальника среднего звена. Через плечо командира дулом вниз свисает советский пистолет-пулемет с ободренным прикладом, что свидетельствует: оружие успело побывать в разных боях. За пояс брюк главного заткнут немецкий парабеллум. Попробуй разберись в этой шараде, узнай по внешнему виду, какую власть представляет собой этот человек и его сопровождающие.

У приземистого домика близ школы, утонувшего в июльских цветах — мальвах и левкоях, вишнях и молодых яблоньках, — старший в полголоса командует: «Стой!» — и пяток шаг в шаг ступающих следом за ним вооруженных людей тотчас замирает. Даже дыхания их не слышно, словно вместе с командой испарилась жизнь из них.

Командир, вытерев тыльной стороной ладони пот под кепкой, негромко, но требовательно стучит пистолетным патроном по стеклу.

— Кто там? — всматриваясь в ночную мглу, приникает к окну пожилой человек.

— Свои, Владимир Васильевич, НКВД, откройте.

Старенький директор сельской школы Владимир Васильевич Шуляр прежде чем скинуть запоры с входных дверей остановился, вопросительно оглянулся на жену. Она неуверенно пожала плечами, но шепнула: «Вроде бы свои, открой!» Внук Шуляров, десятилетний Любомир, сладко спал в комнате-боковушке, ничего не слыша.

— Доброй вечера, хозяева! — не снимая кепки, поклонился от порога вошедший. — Лампу попрошу не зажигать, ни к чему. Мне с вами, Владимир Васильевич, надо поговорить доверительно, с глазу на глаз, без посторонних. Если можно, побыстрее, пожалуйста, время не ждет.

Жена директора, поняв, кому адресован намек, бесшумно поднялась с низенького стульчика и вышла за дверь. Пересев на ее место в теневую от подслеповатого каганца сторону, гость якобы машинально, ненароком распахнул полу своего пальто. Так, чтобы лучше было видно даже человеку со слабым зрением полувоенный френч и галифе с малиновыми прожилками — обычную униформу советских работников и милицейских начальников той поры.

Гость еще раз извинился за позднее вторжение, сославшись на проклятую службу, не дающую покоя ни себе, ни людям, ни днем, ни ночью.

— И все из-за этих бандюг-песиголовцев, чтоб им пусто было! — как близкому товарищу пожаловался майор НКВД Шуляру, располагая к себе теплыми нотками в голосе и честным, открытым взглядом, чуток скрадываемым темнотой.

Доверчивый старик-учитель сочувственно покивал головой:

— Действительно, нет никому покоя, вы правы. Все им, катам, мало крови людской, когда уже только насытятся?

— Да-да... Скажите, Владимир Васильевич, как в ваших Чигринцах настроение земляков, для нас это очень важно. Не запугали их часом бандиты, верят люди в победу, ведь война идет к концу...

— Сложный вопрос, при всей его простоте, шановный добродию?..

— Можете просто, товарищ майор.

— ...товарищ майор. Как и во все времена, люди встречаются разные и ведут себя все по-разному. В селе Чигринцы — и это уже не в первый раз — пастуха силой в банду волокли. Он сопротивлялся, жинка мужа защищала, так они и его, и ее измордовали так, что по всей хате, простите, кровавые сопли летали.

А в Перегинцах живет семья Винников, может, знали его? Он до войны в рабкоопе работал заготовителем, так у того оба сына пошли в банду, лисовым братом помогать. Да и сам Винник не особо скрывает, что он связанной с лисовиками, харчи и одежду им поставляет. А жена его, Олена Федоровна, это ж только подумать — до войны членом райкома была. А теперь не постеснялась дочкам своим отдать белье с убитых советских девчат-парашютисток. А оба сына их уже — не Иван и Федор, а на бандитское псевдо перешли, не знаю, взяли себе сами, чи дали им там, в боевке, собачьи клички: «Бобик» и «Лыс».

— Мда... — вновь горестно промычал майор. — Вот вам и Винник, бывший депутат сельского исполкома, продажная душонка, трясця его маме. Но ничего, люди все видят, за все запроданцам счет предъявят.

Майор помолчал. Как бы отвечая собственным невеселым мыслям, покачал головой — укоризненно и скорбно. И все на той же, располагающей к откровенности тихой, доверительной ноте шепнул, зачем-то оглядываясь на дверь:

— А о польской семье Завадских ничего не знаете, где они, бедолаги, их же надо спасать...

Шуляр встрепенулся было, но, чуточку поразмыслив, пожал плечами:

— Пробачьте, не знаю. Слышал тоже, что они скрываются где-то от расправы, но где именно, сказать не берусь, не знаю.

Человек деликатный, он засмутился от того, что не был до конца искренен с представителем власти. У позднего пришельца такая, на самом деле, клятая служба, а что врагу не пожелаешь — сутками быть на ногах, не зная покоя — а он смолчал. Но как он мог говорить о несчастных беженцах даже офицеру НКВД, если командир партизанского отряда, бывший первый секретарь райкома, навестивший его не далее, как вчера вечером, строго-настрою запретил ни с кем, нигде и никогда, ни при каких обстоятельствах не делиться сведениями о поляках, польских коммунистах: «Еще раз повторяю, Владимир Васильевич: нигде, никогда, ни с кем!»

Как из обиняков понял Шуляр, муж и жена Завадские — не просто семья, если семья вообще, а радиоразведчики, заброшенные в Прикарпа-

ть с мощной рацией и шифрами. Через них, видать, шла очень большая работа, коль такие люди интересуются их положением, их состоянием.

И Шуляру жалко стало понурившегося офицера, человека, видать, честного, справедливого, поборника правды. Он открыл уже рот, пытаясь поделиться с гостем хотя бы крохами ему известного, но тут в комнату к беседующим заглянула чем-то встревоженная жена:

— Володя, может, вам разогреть поесть? Я борщичок на загнетку поставлю? Иду?

— Что? Куда иду? — резко вскинулся вдруг о чем-то задумавшийся майор. — А-а, нет-нет, ничего не надо, мы уже уходим, и вам пора отдыхать.

Проследив за плотным прикрытием двери, майор совсем вплотную приблизился к директору школы, перейдя на заговорщицкий шепот: «Вы вот что... О “Черемшине” располагаете хотя бы какими-то сведениями?»

— У-у, этот зверюга! — обхватив седую голову руками, не столько сказал, сколько простонал директор. — Вот кто оборотень ненасытный, вы же лучше меня знаете, что он в нашем краю творит... И совершенно безнаказанно! Тут у него везде осведомители — при первой же опасности предупреждают, и он исчезает бесследно, и не только сам, но и с ядром банды, там у него человек восемь-десять... Всех за собой не таскает, попробуй прокорми такую свору... А ночью, а вдруг окажутся раненые? Нет, обязательно надо сюда еще «ястребков» подослать, раздуть эту гадину! Он же садист, садист законченный, — нервно ходил по тесной комнатке Владимир Васильевич. — Банда его нападает только на отставших, больных, раненых красноармейцев. Магазины разоряет, на молокопункт вот недавно напали, потом на леспромхоз. Хитрый жук! В Калужском районе горстку румын пьяных обстрелял, а слух пустил, вроде немцам бой устроил... Вояка! Как же... Спиймалы брата моей жинки, Михайлу, той тильки-тильки корову продал, гроши для хворой доньки збирав, усе вытащили з кишени, ще й в хату до нього прыбиглы, облигации забрали, новые брюки, документы якись. Диты плачуть, Галька чорна вся стала, а и доси нияких следов о муже в неї нема... Винник по пьянке сказал: «Бильше не шукай, не знайдеш». И пальцами своими жирными на небеса показал... «Черемшиной» матери тепер детей пугают, как серым волком...

— Угу, — приподнимаясь с поскрипывающего стульчика, неопределенно протянул майор. — Понятно.

И вдруг стреляющим голосом не сказал, а спросил, как допросил:

— А сам-то ты «Черемшину» видел?

Озадаченный внезапным переходом с вежливого «вы» на беспардонное «ты» пожилой учитель с упреком вскинул близорукие глаза на ночного визитера. Да так и застыл, увидев нацеленное на него пистолетное дуло, вмиг поняв, кто это злобно посверкивает «звирячими» глазами.

— Пальто накиньте на себя, пан Шуляр, и тихонечко за мной, — свистящим шепотом распорядился «майор». — А если, проше пана, хоть слово по дороге гавкнете, улетите туда, куда ваш родич Михайло Дзюба улетел...

Трое бандитов, привалившись к двери, с ухмылками слушали крики, но не выпускали из спальни рвущуюся на помощь мужу жену. Черемшина притворно вздохнул:

— Вот же глупая женщина, внучка своего зайкой оставит...

Боевики по команде главного подтащили из прихожей крепкий дубовый стол и прижали им дверь, добавив еще для прочности и шкафчик.

Все та же безмолвная глухая ночь обливала село. Но когда вооруженная группа проходила узким боковым переулочком, один из них и в слепящей темноте смог различить в проломе плетня чью-то худенькую фигурку. Еще секунда — и быть бы ей впечатанной в землю от хорошо поставленного упреждающего удара Бурового. Да благо послышался знакомый девичий голосок. Кто? Как? Черемшина едва ли не вздрогнул от неожиданности: Магда. Марта! Как ты здесь очутилась, как ты нас нашла?

Магда не стала ни оправдываться, ни объясняться. Схватив горячими своими ладошками холодные руки главаря, она повисла на них, будто останавливала вскинутое дуло автомата. «Друже провиднык, я вас умоляю, я вас на коленях прошу, не чипайте пана директора, не вбивайте его, будьте ж настолько лаской, пане референт, риднесенький!»

— Что ты, глупая? — удивленный горячим девичьим порывом в защиту не своей, а чужой жизни, провел жесткой ладонью по мягким волосам Магды главарь боевки.

Пропустив впереди себя сообщников, Ярый (а это был, конечно, он) положил машинистке руку на плечо.

— Шоб ты знала и помнила, Магда! В том, что натворили у нас Советы, вот такие Шуляры больше всего виноваты. Они детей не грамоте учили, а сталинскому воспитанию, зрзумила? Это самые страшные враги — идеологические враги, от них вся большевистская крамола, вся эта красная зараза к нам поползла. Таким Шулярам нет места на земле. А теперь геть звидсы, ночуй сегодня в своей хате.

Банда ушла. А Магда глухо рыдала, привалившись к плетню. Перед глазами девушки стоял оживленный, нарядный, в гуцульской вышитой сорочке Владимир Васильевич таким, каким он был в ее школе на выпускном вечере.

Пройдясь со всеми девчонками по очереди в круге вальса, директор подвел тогда Магду к счастливым родителям, склонившись, поцеловал маме руку и от души пожелал: «Везите свою отличницу во Львов, в университет. Не сомневайтесь, она поступит: прирожденный математик! А к нам вернется с дипломом, будет детей наших учить».

«Ваша ведь ученица, шановный Владимир Васильевич!» — почтительно кланялись директору по очереди то папа, то матинка.

«Все! Уничтожат директора эти звери, и я ничего не могу сделать, ничем не могу помочь», — рыдала на безлюдной ночной тропе опустошенная Магда.

А самодовольный Черемшина, вышагивая в это время в хвосте своего отряда, уже напрочь позабыл о ней и думал о том, как добавить бы еще десяток букв интенданту Винику за его непомерно длинный язык. Хай только он вернется в боевку, когда справится с заданием по картошке. Представив предстоящую картину в подробностях, Черемшина даже подхихикнул от премилого удовольствия. И сам повеселится, созерцая наказание этого жирного хробака Винника, и боеварей развеселит гарной гайдамацкой справой. Эх, как бы еще Савка рядом — как легкое облачко мелькает и тут же пропадает в голове Черемшины мимолетное воспоминание о былом своем дружке. Как они тогда славно поиграли, всласть повеселились с теми москальками-парашютистками, затаскивая их по одной в сарай на «операционный стол». Сильные попались девки, натренированные, одну из них втроем пришлось раздевать и душить, отбивалась, как тигрица, даже со скрученными руками...

Подозвав Буревого, Черемщины буркнул ему на ходу несколько слов, и тот, послушно кивнув, тут же помчался выполнять приказ.

На выходе из села, поравнявшись с заброшенным колодцем, Буревой окликнул трясущегося от страха Николая Поречного. Передал ему свой обрез: «Подержи!» А сам, в мгновение ока заткнув Шуляру рот учительским же картузом, крякнул, приподнимая над землей обмякшее тело директора школы, и с силой швырнул его головой вниз в самую глубину подгнившего деревянного сруба.

Мрачно, одновременно плеснулась и быстро успокоилась, сомкнув круги, заплесневелая колодезная вода. Угрюмо отвел взгляд от места преступления безучастный к людским бедам и горестям осколок луны — рудовато-желтый месяц. Что ему закоренелый бандюга Буревой, поспешающий к атаману с докладом о выполнении поручения, что ему скорчившийся в три погибели Колька Поречный, выблевывающий страх и ужас после свершившейся жуткой казни, что ему пан референт с его пританцовывающей походкой, уже почти достигший леса? Прислушаться — услышишь: он еще и песню себе под нос мурлычет, как раз про месяц. «Мясяц на неби, зироньки сяють, тихо по морю човен плыве...» Почему ты не падешь ему на голову, месяц?

Глава 7 **ОТ АВТОРА**

Эсэсовские бонзы в своей главной берлинской квартире гестапо на Кенигзалле, 11 провозгласили всякого рода убийство естественным орудием войны. И деловито, масштабно строили планы ликвидации и миллионов людей, и отдельных наиболее выдающихся личностей. В частности, глав государств дружественной Советскому Союзу антигитлеровской коалиции — британца Уинстона Черчилля, самого ненавистного гестапо человека француза де Голля, президента Чехословакии Эдварда Бенеша...

Все замыслы неуклонно упирались в один исходный момент: для реального осуществления намеченного нужны хорошо подготовленные кадры, нужны надежные, преданные идеям арийцев от молодых ногтей исполнители. Нет, не зря формирование националистов всех мастей и внутри Германии, и извне опекал лично министр внутренних дел рейха, рейхсфюрер Гиммлер — фанатичный философ нацизма, основатель теории «чистой крови», объявивший, что шпионаж есть священный долг каждого немца. Ни больше, ни меньше — долг!

И десятки тысяч немецких мальчиков и девочек стали доносчиками — в первую очередь на тех, кто ближе: на своих родителей. Взрослые дяди их поощряли за это. И не только подбадривающими словами да сладкими конфетами. Самых лучших, самых старательных «стукачей» еще с отрочества примечала, привечала и селекционировала по различным профилям и отраслям имперская разведка.

Подобными методами действовала (и действует в наши дни!) идеологическая бандеровщина. Чтобы втянуть в свои ряды как можно больше молодежи, подрайонные, надрайонные и районные референты прибегали к типично фашистским трюкам, не признавая никаких моральных норм и правил, откровенно пренебрегая ими. Стали, например, внушать юношам, преимущественно малограмотным, что их ждет благородная борьба за «Вильну Украину» не только с большевиками, но и... с немцами. По замыслу бандеровских диктаторов Украинская Соборная Держа-

ва должна была стать самостоятельной, независимой и включать в свой состав все западные и восточные земли Украины, а также Закарпатскую Украину — независимо от того, что исторически принадлежало Польше, а что Венгрии. Об этом проповедовали с церковных амвонов в храмах попуниаты, послушные жрецы Степана Бандеры, об этом втолковывали эмиссары УПА* в частных беседах с населением. И об этом же читались лекции и доклады в ходе «политических занятий» на боевках.

«Украинская Соборная Держава всегда принадлежала и должна принадлежать только нам, щирым украинцам, а не схиднякам (восточникам), москалям и иноземцам», — надрывались бандеровские ораторы, заставляя подчиненных повторять следом за ними и разносить по всему свету лживые утверждения. Ирония судьбы, но и поныне, в наступившей четверти XXI века, есть еще те, кто верит в эти байки, не зная искусственного — с легкой руки Ульянова-Ленина — создания Украины, как государства.

«Организация украинских националистов** находится в оппозиции к Германии, а Украинская повстанческая армия* ведет борьбу и против Советов, и против немцев», — усердно распускали слухи фашистские разведчики. А почему бы и нет, коль это политически выгодно и выигранно? Некому было задуматься над тем, что ни о какой «оппозиции» по настоящему не велось и речи у фашистских холуев-бандеровцев вообще и шэфов кровавой службы безопасности Луцкого, Арсенича — сына зажиточного кулака — в частности, потому что слуги питались-то кормом из фашистского корыта. А гитлеровцы кормили только верноподданных вассалов, а не каких-то там оппозиционеров. Еще чего! Кто бы им, «идейным», позволил жить среди нацистов — и кто бы их стал терпеть в гимлеровском воинстве?

Глубинная суть трюка с «оппозицией» раскрывается в том, что сама Украинская повстанческая армия* была создана по указанию и с помощью хозяев из фашистского абвера и СД. Причем костяк этой «освободительной» армии составляли отнюдь не добровольцы и даже не одурманенная призывами, угрозами и охмуренная плотной липкой униатской патокой, застилавшей всю Галицию и Западную Волынь, молодежь, а достаточно напратиковавшиеся в Польше, Белоруссии и в той же Галиции каратели из бывшего полицейского «шцуманшафт-батальона 201». Того самого батальона смерти, который в составе дивизии «Нахтигаль» безжалостно истреблял партизан и мирное население на территории СССР.

Когда нет действительных фактов в пользу некой освободительной миссии, когда нет на этот счет никаких убедительных аргументов, пафосная хвала ведется отнюдь не качеством, а только количеством. Та же насильная мобилизация западно-украинской молодежи в качестве ландскнехтов и плебеев всячески поощрялась издававшейся с первого года войны газетенкой националистов «Українськи щоденни висти» («Украинские ежедневные известия»). Из номера в номер лился в ней елей Гитлеру и гитлеровскому режиму. На фашизм работал, причем с небывалым усердием, и многочисленное духовенство униатского монашеского ордена Святого Василиана, имевшего свою агентуру практически везде, где были верующие, во всех районах и селах. Это была неимоверная идеологическая сила, капитально влияющая на религиозное сельское и городское население.

Осеня своих проповедников-униатов на эти «божьи» дела, отчаянно ярый враг Советской власти, в то время 78-летний, главный пастыр-митрополит Андрей Шептицкий призывал в духе геббельсовской пропа-

ганды меньше задумываться над голосом совести, больше помнить о победе над ненавистным врагом в лице Советов.

Непосредственно на Станиславщине боевики, в том числе и «Черные черти», получали благословение от такого же бандита в епископской мантии Хомышина. А освящал отправку бандеровского пополнения на верную службу третьему рейху еще один «проповедник» — главный капеллан знакомой уже нам дивизии «СС Галичина» Лаба, бывший членом военной управы и главным викарием этой дивизии. Так что красноречивая подобралась «оппозиция».

Постоянно царившая в оуновской среде обстановка вражды, взаимных обвинений, сведения личных счетов, торгов между участниками, физические расправы диктовали боевикам соответствующую стратегию: хочешь быть в чести и фаворе у своего руководства — убивай «неверных»! Убивай их всех подряд! Вот и убивали, применяя зверские пытки и издевательства во время допросов даже мирных людей. Какая разница, коль такой стиль приветствуется и поощряется руководством?

Тот же Ярый в часы идеологической обработки пулеметчика Поречного называл главными врагами украинского народа большевиков, поляков, евреев, русских и немцев. То есть, все кругом враги, бей всех подряд — будешь победителем. Только вот немцев бандеровцы не били почему-то. Предпочитали красноармейцев, но не из регулярных частей, а таких, как те несчастные пленные, отбившиеся от преследования охраны лагеря, но так и не сумевшие примкнуть к своим.

Подвиги пленных-патриотов Родины и со временем не тускнеют. Есть возможность сегодня назвать имена мучеников, не склонившихся перед врагом, не дрогнувших перед страшными пытками. Все из группы пленных были ранены в бою, только потому и оказались в руках у фашистов. Едва-едва окрепнув, бежали из немецкого лагеря в городе Стрый. Искали и никак не находили связи с местным партизанским отрядом, о котором слышали до побега. Судьба троих так до конца и осталась неизвестна. А вот установленные имена: Сергей Савин, Федор Гаврилович Сазонов, Гаврила Филиппович Субботин, Иван Данилович Носенков, Василий Леонтьевич Роман, Григорий Андреевич Чубенко, Василий Семенович Панов, Магомед Абдрашитов, Михаил Гаврилович Мироненков.

Понадобятся колоссальные усилия следователей, чекистов, экспертов-криминалистов, чтобы снять наслоения времени. Потребуется во имя истины и стопроцентной доказательности найти и опросить сотни людей, менявших по разным причинам адреса и фамилии, живущих в маленьких и больших городах, селах, поселках, аулах, станицах — словом, везде: от Москвы до Магадана, от Ленинграда до Дагестана. Потребуется произвести с помощью специалистов осложненную истекшими десятилетиями эксгумацию — тщательнейшую экспертизу по установлению останков бойцов, чтобы предельно точно выяснить данные о павших.

Сличались уцелевшие протоколы допросов «Ярого» — «903-го» — с показаниями тех людей, кто видел тогда пленных, кого бандеровцы заставляли — без огласки, иначе смерть — перевозить на своих телегах трупы и хоронить убитых, кто запомнил одиночные и массовые места захоронений. Живые, передавая устные рассказы о былом из рода в род, все помнят. Память человеческая неистребима, нельзя сомневаться в этом.

Совсем немного мы знаем подробностей о погибших, а точнее, безжалостно замученных бандеровцами людях. Известно точно: умирали они не с мольбой о пощаде, не выклянчивая жизнь, а с проклятиями палачам.

Федор Гаврилович Сазонов родом из Красnodарского края, 1909 года рождения. Был человек спокойный, выдержанный. До войны работал трактористом, разъездным механиком. В двадцать лет в результате несчастного случая лишился левого глаза. Из-за потери зрения в армию его не брали. Но он все же сумел добиться своего — ушел на фронт добровольцем и воевал с беспримерным мужеством и отвагой.

О Гавриле Филипповиче Субботине известно лишь, что он был 1903 года рождения.

Еще известно, что один из военнопленных был ученый. Не Савин ли? О нем Буревой, щеголяя своей осведомленностью, со значением говорил тогда поварихе, а уже та Магде: «Большую рыбу взяли. Но ершистый попался карась, никак его не разговорим».

А девушка, забившись подальше в свой уголок, отведенный ей в закутке в домике, вновь вспоминала школьный выпускной вечер. Фотографирование по очереди всех ребят и девчонок, а потом — общий снимок выпускного класса приглашенным по торжественному случаю разъездным фотографом. Разудалые звуки баяна, задорные песни, добрые напутствия принаряженного директора школы, давшего вместе с учителями путевку в жизнь стольким своим воспитанникам... И мученически погибшего от рук садистов. Отплатили такие, как Савка, «ученички» за уроки доброты и душевности. Отплатили по-своему, как присуще всем иудам.

Расстреливали, вешали, топили в колодцах. Писателя-публициста Ярослава Галана, разоблачавшего суть и существо бандероўщины, зарубили гуцульскими топорами в его львовской квартире.

Глава 8 **ПОСЛЕДНИЕ ДНИ**

Поречный внимательно присматривался к жизни боевки. А боевка незаметно и неотступно оценивали каждый шаг, каждое слово и каждый поступок Задерживающегося. Структура боевых подразделений бандеровских формирований сложности не представляла: рой — отделение, чета — взвод, сотня — рота, курень — батальон. Дисциплина поддерживалась вовсе не инструкциями и наставлениями, а палочным страхом и для показухи муштры на глазах проверяющего начальства. Вдали же от глаз высоких заправил боевики творили что хотели, обоснованно полагая, что никто жаловаться на них не пойдет. Куда идти-то? До начальства далеко, а до Бога высоко, вот и молись тут Богу, авось пожалеет.

Боевка Ярого пополнялась осколками банд, разгромленных наступающими частями Красной Армии. К «Черным чертям» добавились пять власовцев, уцелевших после разгрома их полка и быстро сменивших после этого форму продажного войска РОА — Российской освободительной армии — на разношерстное одеяние, дозволенное носить лесным братьям. Щедрый на выдумки Ярый дал вынужденному пополнению клички на выбор — кому-то прозаические, а кому-то бессовестно перекликающиеся с именами героев украинского фольклора.

Один из новобранцев банды — толстогубый «Нечай» — после первой же пьянки во всеуслышание начал хвалиться тем, что на его личном счету свыше ста жертв. Ярый грубо одернул болтливую не в меру боевика. Но для себя зарубку на память о его художествах оставил. А вскоре смог лично убедиться, что не трепался Нечай, живописуя свои «подвиги». Садистом продажный власовец оказался не хуже Ярого.

Когда во время проведения очередной засады против советских разведчиков был схвачен тяжело раненный боец, Нечай, обливаясь от предвкушения развлечения, подозвал Бурового. Вдвоем они за руки, за ноги подхватили, раскачали молоденького солдата и по команде Нечая с силой ударили несчастного о каменистую почву. Боец и не дернулся, остался лежать на земле с лицом, залитым кровью, и неловко подвернувшейся ногой.

Как раз в это время туда, к железнодорожной насыпи, где протекала скоротечная расправа, подъехали четыре закамуфлированные немецкие легковые машины. Порочный, поняв, что подкатило высокое начальство (следом шли два броневика сопровождения), спрятался от греха подальше в цветущую пшеницу. Фрицы, среди которых особо выделялся один шустрик с фотоаппаратом на груди, окружили «младших братьев», хлопали их по плечам, смеялись, оживленно переговаривались с бандитами, радушно протягивая им пачки сигарет.

Шустрик с фотоаппаратом, забегая то слева, то справа, без устали снимал на пленку Бурового и Нечая, картинно поставивших свои грязные, запыленные чеботы на тело бездыханного бойца. Буровой в лающей чужеземной мове смог различить лишь одно известное ему слово «цайтунг». И догадался: с фотоаппаратом носится корреспондент какой-то немецкой газеты. А Нечай, ровным счетом ничего не понимая, лишь согласно кивал головой и льстиво улыбался всесылным для него хозяевам. Ярый немного встревожился. Почтительно приблизился к старшему, представился, чем вызвал уважительное «О-о!» немецкого командира, отметившего правильное произношение референта. Ярый намекнул: дескать, по правилам внутренней конспирации не стоило бы снимать для газеты его боевиков, нам, дескать, и так хватает уважения германского командования, а газетная реклама ни к чему, как бы еще не навредила святому делу борьбы с большевиками.

Немец пожал плечами, но сказал, что подумает над просьбой «герр Ярлрли». И, ослабившись, как павиан, напоследок снисходительно похлопал референта по плечу: «Данке шен, ауфвидерзеен!»

Машины укатили, обдав лесовиков едким дымом. И не донеслись до пятнистых автомобилей отборные пожелания «герра Ярлрли» и его прихлебателей в адрес слуг вермахта.

Ярый распорядился обыскать убитых, хотя и без его команды бандиты уже успели обшарить все бездыханные тела. Никакие увещевания в приказах и инструкциях никогда не могли остановить мародеров. Знали они, что выпускаются запрещения лишь для проформы, для призрачного оправдания перед «громადой», в смысле — населением: дескать, высшее командование ни при чем, грабежи — местная самодеятельность, за что будем наказывать. Ага! Как же. Наказывайте.

Вам, в главном проводе, легко приказывать, когда вы объедаетесь и опиваетесь тем, что мы в боях добыли. А нам, в лесах и схронах, что теперь, подышать с голода? Серый волк кусок свинины не принесет, своей добычей не поделится, за каждым куском мяса нужно побегать, попотеть, а то и пострелять.

Впрочем, не так уж и потели лесные братья, отработав технологию грабежей до автоматизма. Несет сельский мужик в мешке мирно похрюкивающую свинку, удачно купленную на соседнем хуторе, идет и тихо радуется. Как вот они, трое наперерез: стой! Истошно вопящую добычу все в том же хозяйском мешке отправляют в лес, а ты, вуйко, иди себе, иди и не оглядывайся, да благодаря божу, что живым остался.

Если налет проводился в селе, то такая же хавронья попадет под гудульский топор или остро заточенный штык в первой попавшейся хате. В один миг свинью заколют, быстро на соломе опалят, готовую тушу рубят, разрежут на части, самые лакомые куски возьмут с собой, а остатки побросают ограбленным: «Шо смачнише, то нам, захисныкам ридной неньки, а це вам, йиште! Да не вздумайте пикнуть, мы тут недалеко, вернемся...»

И оставались на долю обиженных, униженных крестьян только глухие проклятья разбойникам, которым нет возможности отомстить, и сдавленный женский плач. Даже не плач, а стон обворованных женщин, не знающих, чем теперь они будут кормить свою семью. Опять жить впроголодь?

Но до улепетывающих из села «черных чертей» эти стенания не доносятся. А хотя бы и услышали — не отозвались бы, разве что посмеялись над глупыми бабами, у которых одна привычка: выть да причитать. А вот нехай ваши мужья да сынки идут к нам, в боевку, голодными не будут. И вам перепадет. Нет, не пускаете? Ну и...

Поиски пропитания уводили боеварей в соседние населенные пункты, подальше от своей основной базы. Нередко они попадали в места, уже контролируемые Советской властью. Но и тут, хотя на каждом шагу трусливо озирались, не могли устоять перед насилием: харчи заполучали с боем.

В одном из таких дальних рейдов лесовики разглядели на узкоколейке паровоз с прицепленным к нему вагоном. Осмотрели, проверили все кругом — жидкая охрана, всего два пожилых мужичка, вооруженные чуть ли не берданками. Решили остановить локомотив, поживиться удовольствием, на которое у боеварей всегда было отменное чутье. По команде Ярого выскочили из-за елей и, потрясая автоматами, нацеленными на машиниста и его помощника, приказали тормозить.

Оказалось, и правда, в вагоне лежали продукты для рабочих, занятых заготовкой леса. Банда ликовала: схватили то, что надо! Ярый, лично проводивший операцию, велел перегрузить на телегу Винника бочку мармелада и бочонок подсолнечного масла, хлеб, мясо. Командовал при этом на чистом польском языке: пусть ограбленные обратят зло свое и ненависть на «пшечков». Бандеровцам это ох как будет на руку!

Машинисту паровоза на прощание насовали тумачков, но не очень, так, чтобы синяки были видны, а сам мог держаться на ногах. Потом приказали трогать по курсу. Предупредили: если спросят, кто налетел, говори — польские партизаны. Молодой машинист потрясенно молчал, затравленно смотрел на грабителей... Расстреляй они его сейчас — не промолвил бы и слова. Гораздо больше собственной смерти страшило его предстоящее появление перед изголодавшимися людьми с пустыми руками. Что он им скажет, как объяснит, что не мог противостоять один, безоружный, в шпоре песиголовцев, схожей с волчьей стаей.

Банду Ярого в тот день ждала двойная удача. Верные информаторы — Винник и Опришко — промышлявшие картофельными заготовками, случайно наткнулись на склад райпотребсоюза, откуда сторож при появлении боевиков бежал, как заяц, не оглядываясь. Примчавшиеся по «штафете» боевари жадно хапали все, что под руку попадет: кожаные заготовки на сапоги, большие, по сто штук в каждой, пачки папирос, мотки полотна, суконные картузы, слипшиеся в несурзные комки конфеты подушечки. Как это часто стало происходить за последнее время, поров-

поделить награбленное бархоло мародеры не смогли. Скорее до грабейшей власовцы, бесцеремонно оттеснив «правообладателей», заграбастали себе добра намного больше. На все уговоры интенданта боевки разложить добычу равными долями, чтобы никто не был в обиде, отвечали черным матом. Тогда боевкари не выдержали. Первым Буревой, плюнув на жилистые свои кулаки, заехал Нечаю от души прямо в нос.

Губастый громила оторопело мазнул пятерней по лицу, поверая: правда, расквашен румпель? А убедившись, что это в самом деле кровь его, а не водица, по-бурлацки ответил секретарю референта горбатым кулаком своим, как пудовой гирей, точно под глаз. Пошел отчаянный мордобой! Власовцы, увидев вскоре преимущество лесовиков в живой силе и технике, поняли, что дело плохо — и со страху, а не для остратки, защелкали затворами. Но тут вмешался в гущу оскаленных бандюг Ярый. А жаль. Хотя бы от одного-двух ублюдков очистилась земля-страдалица.

Главарь, изрыгая мат на всех языках, орудовал рукояткой парабеллума налево и направо, разгоняя сучью свору мародеров. В другом случае он и сам мог бы спровоцировать кровавое побоище «ридных хуторян-западениц» с «наглыми москалями» — то бишь, с теми же власовцами. Но не сейчас, когда впору каждый штык и ни единой боевой единицы нельзя терять. А потому — кончай базар, уходим!

Чтобы запутать следы, скрыться от усиленных отрядов «ястребков», целеустремленно устраивающих неожиданные облавы, банда кружила по Станиславщине днями и ночами, то отдаваясь, то возвращаясь в «свою» зону. И везде выискивали боевкари тех, кто был на стороне Советов депутатов, комсомольцев, активистов, независимо от того, большую или малую они проявляли активность. Главное — «запроданец большевикам», и этого достаточно, чтобы сфабриковать обвинение. Если подлинного активиста найти не удавалось, делали «агентом» органов безопасности просто не понравившегося чем-то местного жителя, не слушая ни оправданий, ни доводов. И тогда, упиваясь властью насилия, боевики тащили обреченного на муки на дощатый пол хуторского сарая.

Там, в зловещей штаб-квартире, референт, пощипывая усики и поигрывая шнуручком, решал, как быть с пленником. Нет, не о том, чтобы даровать жизнь узнику болела голова у Ярого. Еще чего! Попался — возврата нет. Атман раздумывал над тем, кому поручить очередную ликвидацию арестованного и как ее оригинальнее провести. Если не убивал сам, то поручал своим верноподданным, на любителя. Так были убиты депутаты сельсоветов Васкевич и Мельничук, хотя и депутатами-то они пробыли считанные месяцы, даже не успев разобраться в своей новой роли. Но дело ли до этого заносчивому референту, поборнику святой соборной Украины?

«А нащо давалы красным згоду?»

То есть зачем, дескать, соглашались идти в активисты? Вот так упрямо гнул свое Ярый. И повторял как заклинание одно: за помощь большевикам — смерть!

Звериные законы диктовали звериное поведение (хотя приходится задуматься, а вправду ли поступают так звери?) Жену сельсоветчика Тымчука убили только за то, что мужу при нападении бандеровцев удалось скрыться, чудом вырваться и убежать в лес. Подручные Ярого искать его не стали. Для остратки поорали, постреляли вслед, пригрозили лютой карой, если не вернется. И устроили эту кару. Нечай и Буревой затащили обессленную Галину в сарай на ее же подворье, а подглядыва-

важные в челки остальные участники облеты вожделенно ухмылялись, наблюдая, что там происходит, и слюну глотали, надеясь, что им тоже сладкое перепадет...

Чернее вороньего крыла стал Тымчук, услышав от людей о гнусной расправе над его женой. Оставил хату и детишек на попечение стариков-родителей, а сам подался в «ястребки», в решето превращая взятых на засадах лесных бандитов.

Но банда Ярого продолжала верить в свою безнаказанность и скрытно вела террор, не уменьшая численности. С харчами пока перебоев не предвиделось, Винник исправно обеспечивал пропитание. Где не мог взять заготовки лично — наводил лесовиков. Те в облюбованные хаты врываются для пушного устрашения то поздней ночью, то под утро с диким ревом, визгом, матом. Выгоняли взащей хозяев, «до рычачки» нажирались дармовщиной, напивались, а потом распахивали мешки и закидывали в чувалы все подряд, все, что есть, чего не добрали, ничем не пренебрегая и не брезгуя. Полнились замусоленные торбы надкусенными огурчиками, хлебом да салом, надкусанными вареными яичками, отломанными кусками пирогов. С тем и убирались в лес.

Информаторы потом сообщали, какая реакция селян была на их набег, кто особенно изощрялся, проклиная лесных разбойников. Таких Ярый самолично брал на заметку для разбирательства при следующем визите. Пыхтел, но безропотно продолжал добывать банде прокорм Леонтий Винник. Обязанности связного после гибели Савки Ярый возложил на Буревого, которому поручалось пробираться в главный провод с очередной засургучованной «штафетой» — пакетом с особым донесением. И взамен доставлять оттуда нужную информацию. Так бандеровская практика породила негласное правило: служи сразу нескольким хозяевам — сам будешь цел, невредим, а там еще и обломится жирный кусок — то ли от временно квартирующей фашистской части, то ли от своего главного провода ОУН**.

Ярый завоевывал авторитет у хозяев испытанным способом — бандитскими вылазками. Особенно по душе приходилось ему проведение крупномасштабных операций, когда перед ним стоял не привычный десяток-другой постоянных боеварей, а развертывалась полная сотня. Так было, когда главный провод передал приказ выступить и разгромить мадыарский обоз. Стрельцы ходили без вина хмельные от радости: такие будут трофеи!

За одну ночь сумели подтянуть всю сотню, расположились в жиденьком кустарнике, пусть и неважный оказался естественный заслон, зато ближе к дороге. С помощью искусной маскировки — перестановки кустов и веток — бандитский табор под вечер подобрался почти вплотную к беспечно отдохнувшему обозу: даже положенное охранение не выставили горе-вояки.

Ярый, хищно вытягивая голову, самолично провел рекогносцировку местности, убедился в преимуществе своей позиции. И удалецки свистнул, поднимая боевку в бой. Нечесанные, грязные, вонючие, заросшие бородами и усами бандюги с пальбой, гиканьем, ревом, улюлюканьем кинулись с трех сторон на застигнутых врасплох мадыар. Никто из них не ушел.

Референт сиял в ореоле успеха. Сумели его хлопцы захватить хорошие трофеи — разное продовольствие, новое оружие, боеприпасы, обувь, обмундирование, медикаменты. Из главного провода незамедлительно

прибыл сам пан Скала с личной «подякой» (благодарностью) от руководства ОУН**. И долго в тот вечер шушукался он с Ярым, обсуждая условия поведения в чрезвычайных обстоятельствах и знакомя с инструкциями провода на сей счет.

Точно таким же сияющим Поречный увидел Ярого еще раз, когда к главарю боевки привели, наконец, поляков Завадских — как оказалось, не мужа и жену, а брата и сестру, Яна и Брониславу. Никаких не радистов, обычных людей.

Как удалось? Невдалеке от заимки лесничего — отца Магды — боевкари, командовал которыми Бурево́й, присматривали с высоты для перемещения боевки. И лицом к лицу вышли на Завадских, которые по проклятой случайности в этот же час уходили в надежное место перепрятываться. Лесничий бесшумно отпрянул за куст и исчез в густых зарослях бересклета — его бандиты и не рассмотрели как следует. Для остротки только постреляли вслед в разных направлениях. Но прожившего свой век в лесу человека, тем более, в минуту смертельной опасности, не так-то просто задержать даже поднаторевшим в лесных погонях боевкарям.

Успел лесничий Петр Барвенчук вовремя добраться до своей избенки и увести как можно дальше целую кучу — пятерых малолетних детишек Завадских. Знал лесничий, что ни Ян, ни Бронислава ни под какими пытками не выдадут ни его, ни место нахождения своих малышей. И все же... Все же, считал Петр Андреевич, что у Карпатских предгорий, там, где живет его сестра, ребятишкам будет спокойнее. До самого прихода красноармейцев ничто не будет им угрожать.

Людам не посвященным думается, что лесники живут полностью изолированные от окружающего их за грядой деревьев мира. На самом деле новости они узнают не позже, а порой и раньше других. Знал Петр Барвенчук, что части Красной Армии, начавшие освобождение Станиславщины с Городенок, двигаются теперь в направлении Коломыи и Косова. Значит, подбираются уже сюда, ближе к его краям, выбивать из лесов бандитскую нечисть.

Бжеенцев сестра лесничего приютила без лишних слов. А они — тихенькие, как мышата, от постоянного опасения быть обнаруженными, печальные от длительной разлуки со своими родными папой и мамой, — молча размещались, кучкуясь в тесноватой хатенке Олеси Барвенчук, работавшей смотрительницей глухого железнодорожного переезда.

Когда вели лесом связанных прочными шнурами Завадских, Бурево́й специально прошел мимо сторожевого поста, зная, что сегодня в дозоре Задерживост-Поречный. Пыхнув ему в лицо махорочным дымом, секретарь референта подмигнул: «Ну, вояка, с бабами дело имел?» Поречный — насупленный, обозленный на себя и на весь белый свет, раздраженно отмахнулся: «Чего тебе-то? Проходи!»

Шагавший следом за Бурево́ым Нечай сплюнул: «Во дурак! Мы для него хотели полячке юбку задрать, порадовал бы ее на прощанье, а он выкобенивается, хрен моржовый!» Еще раз сплюнул и подтолкнул пленных в спину, давай, мол, вперед.

Ярый встретил долгожданных гостей умиротворенным: только что связной боевки Волос доставил долгожданную депешу о назначении «903-го» руководителем службы безопасности всего Калушского окружного провода. Вознесшийся на заветную высоту референт пожелал отметить свое повышение подобающим образом: пьянкой-гулянкой до упопом-

рачениемя, а потом развлечением с пленными, беглецами-полячками, так долго заставлявшими его нервничать и трудиться, изыскивая варианты поимки обоих. А потом — вновь хорошая пьянка и похмелье.

Но надо же было такому случиться: на редкость прекрасно сложившийся день к вечеру омрачило появление... жены. Через все кордоны и заставы пришла к нему на боевку законная супруга, разгневанная Катруся. И в сарай к нему влетела она со скандалом, разметая со стола бумаги, как мусор.

— Ты куда пропал на целый год, добрый чоловіче? Может, тут уже себе голубку нашел, а про жену и дочку навсегда забыл?

Ярый постукал пальцем по голове: совсем, дескать, крыша поехала, орешь тут, как в своей хате. Катерина только махнула рукой — пусть все слушают, кому интересно, мне бояться некого. И продолжила душевные излияния.

— Я всем пастухам твою фотокарточку показывала, когда в Черный лес добиралась, никто тебя не узнает, никто мне помочь не мог, одно сердце вело. Хороший у меня муж, ничего не скажешь! Нацепил на себя десять пукалок, ходит по ночам, людей лякает, что ты там творишь со своими патлатыми, а? Ты вообще домой думаешь возвращаться или навсегда остаешься тут в лесу? Мне что своим батькам сказать? И что сказать нашей доньке, мол, нет у нее больше папы?

Ярый, раздосадованный вконец внезапной помехой — повариха и Марта готовили на кухне роскошный ужин, Буревой разливал принесенный Винником самогон — зашипел на жену, одергивая ее: «Ты чего тут орешь, зла мне хочешь? Если кто-нибудь донесет начальству, что ты сюда через все посты прошла, мне же головы не сносить!»

— А мне плевать на твое начальство с высокой горы, — с непререкаемой женской логикой объявила Катруся. — Я к мужу пришла, мне муж нужен, а дытыне — отец. Если хочешь с нами жить, сейчас же возвращайся, пусть за твои посты у других голова болит, у тебя тут байбаков крутится много. А ты давай, собирай манатки — и пойдем домой, я одна не уйду, хватит, находилась.

Сказав так, супруга референта по-домашнему уселась на стоящую у стены лавку (знала бы она, для какой цели служит эта лавка!), скинула на пол сбитые старенькие туфли, устало вытянула ноги, забрызганные росой и заляпанные жидкой грязью.

— Совсем ты, Ярослав, одичал в лесу. Ни помыться, ни поесть, ни поспать после такой дороги жене своей не предлагаешь!

Что он мог возразить своей Катрусе по девичьей фамилии Пташник? Катрусе, с которой когда-то в детстве и юности жил на одной улице, тесно дружил с ее братом, с которой перед самой войной обвенчался в церкви законным браком и которая родила ему дочку Наталку.

— Ты вот что, посиди здесь, а я пойду, организую тебе отдых...

А жена, вспомнив еще что-то, вновь подбежала к столу поближе.

— Мне люди рассказывали, что ты тут несчастных поляков мучаешь? Отпусти их, Ярослав, слышишь? Докажи людям, что ты не вовкулака, пусть о тебе больше так не говорят. Отпустишь?

— Ладно, посмотрим, — примирительно обхватил жену за плечи Ярый. — Посиди пока здесь, пойду я, отпущу их и тебе воды-еды организую, скажу, чтобы все сюда доставили, как в Львовском ресторане, помнишь?

Вонзив ногти в ладони, чтобы унять охвативший его гнев, референт

быстро вышел, почти выбежал из сарая и помчался к лесной сторожке, где находились арестованные Ян и Бронислава Завадские. Руками, ногами подняв с пола обоих, он сам приступил к обыску. Вытащил из кармана пиджака мужчины деньги, пересчитал — там было шестьсот марок,

— Откуда деньги? — поднял он глаза на Яна.

— Люди продали нашу телочку, передали деньги.

— Кто конкретно продавал, кто и откуда эти люди?

Молчит Ян, молчит Бронислава. Знают, погибнут. Но ни за что не выдадут добрых людей, спасших от расправы их малюток, оставшихся теперь совсем одних.

А Ярог распирает, раздирает, душит злость. Столько месяцев вылеживать, вылавливать двух полячишек — и когда, наконец, стало возможно рассчитаться с ними за все перенесенные хлопоты, а у бабы этой вон какие толстые ляжки и какие сладкие сиськи, и вся она какая тугая, как кочан капусты — разве можно сразу такую в расход пускать? Да она и меня, и половину боевки, соколов моих, ублажит! А тут появляется незваная Катруся и ломает все планы.

— Щенят своих ты куда попрятала, а, сучка? — больно прихватив клешнями женщину за груди, тащит ее ближе к себе Ярый, распалаясь от желания тут же повалить пленницу на пол. И черт с ними обоими — и с ней, и с ее братом, пытающимся освободить руки от веревок и крутящимся при этом всем туловищем. Ну, покрутись, покрутись, гаденыш. Еще никому не удавалось выскользнуть из шнуров боевика, мои хлопцы работают по науке!

Женщина плачет, но не говорит ни слова. А обессиленный тщетными попытками высвободиться Ян презрительно кричит референту: «Сам ты пес, пся крев, сын собаки!» Откинувшись к стене, он набирает слюны как можно больше и плюет новоиспеченному большому начальнику в распаренную от злости физиономию.

Ярый беспомощно ахает — проклятый день, все одно к одному — и, матерясь последними словами, стирает с лица липкую слюну, одновременно хлеща свободной рукой и Яна, и Брониславу по лицам, плечам и спине, куда ни попадя.

— Эй! — выглянув из сторожки, подзывает Ярый покуривающего неподалеку секретаря. — Там моя дура притопала, ты ее определи к Марте. А не захочет, скажи, нехай катится отсюда, как и пришла. Скажи, меня срочно отправили на бой с венгерскими солдатами, я потом сам к ней привалю. Если сильно упрется — не гони, пусть сидит и ждет, пока не... — Остальное он договаривает грязнящим матом.

— Эй, ты! — машет Ярый любезничающему с поварихой Нечаю. — Бери моток дроту (колючей проволоки), давай за мной, живо!

Забежав в хозяйственную пристройку, Нечай цепляет на винтовочный штык моток колючей проволоки, недоумевая, зачем, для какой цели он ему понадобится. Забор, что ли, обтягивать? Так его нет тут, забора, в лесу изгороди не ставят. Чудит что-то друже провидныхк.

Между тем разъяренный Ярый, накинув пленникам мешки на голову, уводил их в глубь Черного леса, к заболоченному Суржанскому озеру. Остановился на самом краю, где за обрывом с противным клекотом, пожабьи вспучивали черную и зеленую поверхность клокочущие роднички водоворотов.

Колючей проволокой, услужливо поданной растерянным и малость перепуганным Нечаем, Ярый опоясал поверх веревок и Яна, и Бронисла-

ву. Приподняв мешок, плюнул Яну в лицо, а женщину изо всей силы ударил в спину так, что она, без стопа, со смертельным хрипом рухнула на колени. Загремели пистолетные выстрелы.

И еще две жертвы внес на свой черный счет Ярый. Коротышка с усиками «бланже», широкой щелью между передними зубами и жгуче-черными сверлящими глазами.

НКВД. Совершенно секретно.

*Словесный портрет по розыску особо опасного преступника
Ляхно Ярослава Трофимовича (он же Ярый, он же...)*

Рост — низкий (155–157 см)

Фигура — худощавая

Плечи — опущенные

Шея — длинная, заметен зоб

Цвет волос — черные, зачесаны назад, слева с проседью

Лицо — треугольное

Дополнительные данные к словесному портрету

Спинка носа — вогнутая, основание носа — приподнятое

Рот — малый, углы рта опущены

Губы — тонкие, небольшое отвисание нижней губы

Подбородок — с поперечной бороздой

Уши — малые, круглые, оттопыренность общая. Мочка уха срощившаяся

Особые приметы: особые приметы будут переданы дополнительно.

Глава 9

АРЕСТ

У помощника начальника следственного отдела НКВД города Львова Радионова настроение всю неделю было превосходное. Во-первых, на новой, не совсем привычной после фронта оперативной работе все, наконец, с прежде корявыми сотрудниками сладилось, по-товарищески уладилось, дела пошли на лад. Вот и сегодня утром при проверке документов в подозрительном, а потому находившимся под наружным наблюдением доме на улице Селянской, 25 был обнаружен и задержан нелегально проживавший гражданин, на первом же допросе признавшийся в участии в бандеровской боевке «Юнаки» («Юноши»). Пусть теперь не колют Радионову глаза молодостью да неопытностью в деле сыска. Еще посмотрим, кто будет учить некоторых штатских — фронтовая разведка, им представляемая, или наоборот. Пока, по крайней мере, он себя ниже других, тут работающих, не чувствует и врага умеет распознать сразу. Чутье есть чутье!

Во-вторых, с Оленькой накануне вечером на квартире Радионова состоялось, наконец, решающее объяснение, закончившееся такими неожиданно бурными ласками дотоле неприступной подруги, что старший лейтенант и до сих пор отказывался верить происшедшему. Ольга согласна стать его женой! И теперь нужно хлопотать о свадьбе, собирать друзей; новые наваливаются заботы — не тягостные, приятные, хотя и не простые.

Эх, елки-моталки! Приедут, сядут за праздничный стол ребята, с которыми в училище трескал осточертевшую перловку-«шрапнель» из од-

ного котелка да ползал по мхам и болотам в разведывательных поисках, смертельно опасных, откуда очень часто не возвращаются... А вот ему, Радионову, повезло. Приедут на свадьбу мама, братишка, он их не видел столько лет. Поднимут друзья бокалы за отца всех народов, потом за их с Оленькой счастье, за победный май 45-го, встречали который совсем недавно, полгода назад. Сколько будет воспоминаний, сколько славных минут подарит только-только начинающаяся послевоенная жизнь!

Но прочь, товарищ старший лейтенант, эти вызывающие невольную улыбку нежные мысли о девушке Оле и сверстниках-соратниках. Сейчас к тебе в кабинет конвой введет врага, и не должно быть ни уголка в твоём сознании, в твоём сердце и на твоём лице, куда могли бы просочиться отвлекающие, мешающие главному делу праздные мысли.

— Слушайте внимательно, я зачитаю протокол обыска, если что не так, скажете, — сухо и требовательно объявляет задержанному старший лейтенант Радионов.

И таким же официальным тоном оглашает, что им совместно со старшиной-фотодактилоскопистом Кругловым в городе Львове на улице Селянской, 25 в доме гражданина Грабчука задержан для выяснения личности и состава преступления гражданин, при обыске которого обнаружено и изъято...

Строго посмотрев на сидящего перед ним черноволосого мужчину лет тридцати пяти, следователь перечисляет изъятые вещи. Паспорт на имя Опришко Ивана Федоровича за номером 276, военный билет со свидетельством об освобождении от воинской обязанности, справок разных четыре штуки, небольшой альбом с семейными фотографиями. Никакого иного лично ему, Опришко, принадлежащего имущества в доме не обнаружено.

Иван Федорович беспрекословно, с готовностью школьника-отличника подтвердил точность сделанной в протоколе записи и подпись свою поставил хотя и неумело, но быстренько — где ему было указано.

«Видать, грамотенке-то обучен не очень», — подумалось Радионову. Своими спокойными и откровенными действиями Опришко вызывал если не симпатию (какая может быть симпатия к подозреваемому?), то уж наверняка некоторое расположение молоденького офицера, по годам вроде как ровесника. Радионов, конечно, не мог заглянуть в потайные мысли своего визави, а то бы с ужасом для себя прочитал: «Зелень ты гусиная, хорошо, что именно ты мне попался. Старайся, раскалывай, я все подпишу, скорее бы только на кичу, а там-то уж меня точно не сыщут».

Возвращаясь в камеру, Ярый (а это был он) продолжал свой негласный монолог. «Личное имущество найти хотели у Грабчука в доме. Дураки! Нет, москаляка, мое имущество находится да-алеко отсюда, в таких местах, куда, кроме меня, никто не ходил и не пройдет. Даже Катруся ничего не знает. Зачем? Сегодня она мне жинка, а завтра? Всякое может быть, наведет еще этих тонкошеих оперов, и все то, что копил, что собирал за войну, а там золотишка и камешков драгоценных немало, — от всего останется только дым. А мне еще жить надо и думать надо, куда податься после освобождения. Так что у Грабчука я ничего лишнего держать не стал, кроме тех документов, что взяли».

Тогда же, на допросе в ноябре 1945 года, пока следователь изучал липовую справку сельрады (сельского совета) о том, что гражданин Опришко Иван Федорович — выходец из бедняков, беспартийный, малограмотный, что и подтверждает сельская рада, задержанный писал автоби-

ографии. Писал, нарочно ошибаясь зачеркивал, виновато всхлипывал носом, просил, сто раз извиняясь, у следователя новый лист бумаги. Наконец «написюкал».

«Я, Опришко Иван Федорович, родился в 1910 году в селе Семикивцы в семье крестьянина — бедняка Опришко Федора Николаевича. Походил в начальную школу, потом бросил, бо треба було допомогать батькам и работать. В 1939 году после воссоединения Западной Украины в состав СССР меня хотели послать учиться на курсах бухгалтеров, и я желал приносить как можно больше пользы своему народу. Шестимесячные курсы были в городе Станиславе. Но учиться мне, малограмотному, было очень трудно, бо я арифметику знал плохо и...»

Ярый, задумавшись (что сочинять-то дальше?), постукал пером-уточкой по тяжелой стеклянной чернильнице-непроливайке, старательно очищая от фиолетовых нитей школьную ручку. И краем глаза, вроде как безразлично, ненароком чиркнул взглядом по лейтенанту. Тот строго вглядывался в ложную справку сельрады, сельского совета, и что-то заносил в лежащий перед ним блокнот. Ярый понял: готовится ловить его на каких-то несуразностях этот зеленый огурец. Наверяд ли что-то нужное он выудит: бумагу загодя и по всем правилам подготовил и переправил Ярому родной брат Леонтия Винника, бывшего харчевого боевки. Правда, не сразу голова сельрады (председатель сельского Совета) отважился на такой «подвиг». Что ж, пришлось через верных людей рассказать брату Винника, чем для него лично может обернуться непослушание.

Коль щедро навешивает ОСО — Особое совещание при министре госбезопасности — сроки бандеровцам: и по 10, и по 15, и по 20, и по 25 років, пусть не надеется советский работник Антон Винник на милость, свое тоже получит в полной мере за пособничество бандитам. Антон Гаврилович оказался такой же трусоватый, как и Леонтий, его младший брат. Привез Антон во Львов нужные документы на убитого в перестрелке с «ястребками» Опришко, скрепленные подписями и печатями, как на живого. Да еще на всякий случай кое-какие другие справки сунул, лишь бы больше его, Антоху, не тревожили. Что же! Погуляй, отдохни пока, вуйко. А понадобиться — вновь найдем тебя, куда ты денешься?

Но ладно... Сейчас надо свою игру играть, спокойно, не переигрывая, без нажима. На миг и совершенно некстати всплыли перед Ярым его строгие учителя из Краковского гестапо с их надменными мордами и костистыми пальцами, которыми стучали по лбу, если косячил... Но тут же, отогнав предательские воспоминания, он продолжил дачу требуемых показаний.

«...я стал работать в дорожном управлении на разных специальностях. На фронт меня не взяли по болезни, о чем прилагаю справку сельрады. Я в годы войны занимался крестьянским трудом, работал на разных работах в своем селе и по найму в соседних селах. В марте 1943 года из села, где я тогда жил, меня под угрозой смерти забрал в свою боевку станичный села Пустошь Федорив Стефан Тимкович».

«Все верно пока, молодец, — нахваливает себя Ярый, тупо высунув язык (чувет, что лейтенантик тоже наблюдает за ним). — Пусть они теперь попробуют перепроверить, разыскать Федорива, когда Стефановы косточки сгнили в Дорогивском лесу, где их боевку в пух и прах раздолбали обозленные своими потерями ковпаковцы. Косоротый, перегнувшийся, на поваленном бревне лежал тогда Федорив, исходя кровью. Сам грешник при жизни, он не одну большевистскую душу на тот свет отправил. Но и

его кара Господня не миновала, полиз на драбыни в ад, бо в раю йому немає миста (полез по лестнице в ад, потому что в раю нет ему места)».

Снова закрипело перо в руке Ярого...

«...Так вот Стефан Тимкович пришел ко мне в дом, наставил немецкий автомат и приказал сейчас же идти за ним, иначе убьет родителей и всю мою семью вместе со мной, а дом спалит. Я после этого дал согласие...»

«И тут ты не придерешься к моей баечке, — чистит перо о край чернильницы Ярый. — Я же знаю, вы, Советы, с пониманием относитесь к местному населению, запуганному тремя годами фашистской оккупации и бандеровского террора. Значит, все правильно: меня бандиты запугали, повели под ружьем к себе в лес».

«Взял я с собой те вещи, что наказал Федорив, и двое повели меня в лес, где передали в сотню “Черника”. Там я сразу был предупрежден, чтобы забыл свою фамилию и имя, а отвечал только на имя (у них это называется “псевдо”) “Рыбак”. Я тогда был зачислен рядовым (стрельцом) третьей четы. А командовал этой четой “Беспризорный”. Он выдал мне винтовку немецкого образца и к ней пятьдесят патронов. Шесть недель я проходил обучение — это маршировка, приемы ружейного и рукопашного боя, выход одному из строя, умение охранять лагерь, где располагалась боевка. Еще меня учили на занятиях наступать, находиться в обороне, проходить мы там стрельбу и другую боевую подготовку. В этой боевке я был до июня 1944 года. Меня в бой не посылали, а назначили харчевым, то есть интендантом у “Беспризорного”».

Ярый призадумался: «Что еще придумать поправдивее?» Решил и, так же старательно мусоля языком губы, вывел: «Потом я сильно заболел животом, и по болезни был отпущен домой».

Старший лейтенант Радионов, конечно же, обратил внимание на затяжные паузы в написании задержанным собственной биографии, которую, по его убеждению, каждый человек должен знать как дважды два.

Взял он листок у Ярого, хмуро процедив: «Почитаем, что вы тут так долго вспоминали».

Пробежал глазами листок, затем резко стукнул ладонкой по столу: — Неправда, Опришко, вы были в банде до конца 1944 года, и не харчевым, а роевым у «Беспризорного».

«Опришко» заморгал глазами, пытаясь изобразить растерянность, беспомощность, испуг перед таким «высоким» чином, как следователь. А в голове стучало молоточками радостное: «Ни черта щенков не знает, только на пушку берет. Какой там я роевой, когда...»

— Не знаю, чем поклясться, гражданин следователь. Да вы спросите у самого Федорива, ваши хлопцы наверняка взяли его, он скажет, стрелял я из своей винтовки по людям, чи не стрелял? И спросите в моем селе у Оксентия и Дзвоника (Скуба хорошо знал, что эти оба выродка были убиты вместе с Опришко, когда лесной бивак окружил красноармейский истребительный батальон). Чистую правду вам говорю. Ушел я из банды, когда увидел, как они над людьми издеваются: троих ни за что расстреляли на горке билия рички (около реки), с них кровь ручьем в речку текла. А меня заставили закапывать, рвало меня тогда и рвало.

Ярый непритворно смахнул слезу и всхлипнул.

— Я в тот же вечер удрал от них, сидел в бункере — это заброшенный погреб, всю семью свою увел туда.

Радионов суровее сдвинул брови и вернул Ярому листок, бросив:

«Продолжайте записи, поподробнее и абсолютно правдиво. Учтите, все до слова будем перепроверять за вами!»

«Вместе с Оксентием Слободаном, 36 лет, и Михаилом Дзвоником, 38 лет, я решил уйти из банды. По дороге из леса мы потеряли друг друга. Я добрался до своего села, взял семью, и мы той же ночью ушли прятаться в бункер — то есть брошенный погреб, где когда-то стоял дом моих родителей. Когда в наше село пришли Советы, я как раз находился на чердаке своего дома, где отбирал вещи, чтобы взять их в бункер от сырости. Я услышал голоса военных, сам спустился с чердака и сдался».

Свыше четырех часов продолжался допрос «Опришко». Отвечал он следователю с готовностью, всем видом изображая искреннее раскаяние, стремление, чем только может, помочь правосудию установить правду. На глазах у нечестивца, играющего роль кающегося грешника, то и дело вспыхивали слезы, а голос без конца вибрировал и дрожал. Ярый даже пару раз кратко всплакнул, потом чуть ли не зарыдал, отчаянно переходя в своей исповеди с русского на украинский язык. Будь перед ним следователь опытнее, хотя бы просто постарше возрастом — выявились бы накладки в «правдивом» рассказе «обманутого» сельского парубка-дурачка, в образ которого усиленно пытался вписаться «Опришко». Но неискушенному в палаческих делах бандеровцев Радионову, вчерашнему окопнику-фронтовику, и в голову не могла прийти инквизиторская сущность его ровесника, отделенного от следователя письменным столом. К тому же боевому офицеру малость льстила учтивость, вежливость, с которой держался перед ним одуроченный, как он начинал думать, парень, силой втянутый в бандеровское формирование «Юнаки». Но допрос все же есть допрос!

— Почему сами не пришли к нам с повинной, как другие?

— Боялся, что бандиты уничтожат меня и всю мою семью.

— Знаете ли вы бандитов с кличками «Мытор» и «Резун»?

— Лично я не знал ни того, ни другого, только слышал в боевке о «Резуне». А сотня Черника, куда меня определили, входила в курень Мытора, но я его тоже ни разу не видел.

Абсолютно грамотно, с канцелярскими завитушками (за высокую грамотность и ценный почерк и взяла его в отдел) выводил сотрудник следственного аппарата показания Ярого — отъявленного бандита, садиста и предателя. Так и появились в уголовном деле поверхностные, непроверенные выводы: руководящее положение в Организации украинских националистов** не занимал, в банде находился считанные месяцы, в боевых столкновениях не участвовал. Что напел следователю изошренный злодей, то и записал дознаватель. А потом задумался: кого судить? Насильственно мобилизованного бандой сельского жителя, вся вина которого состояла лишь в том, что он ходил с винтовкой на охрану своего лагеря?

Чем дольше размышлял Радионов над тощей папочкой, где аккуратно были подшиты все относящиеся к делу бумаги, тем больше убеждался, что неопровержимых улик для серьезного предъявления обвинения собрано крайне мало. Тогда что же, отпускать задержанного, извинившись перед ним за беспокойство? Нельзя! Ни в коем случае! Опришко, Радионов и неопытным нюхом своим чувствовал, что-то не договаривает, вину свою признает, но как-то так плутовато, не до конца.

И Радионов, вняв совету напарника по отделу, решил с новым допросом не торопиться, подождать, пока подследственный потомится, помяется наедине со своими думами и вспомнит нечто более интересное.

Но подчиненные, как известно, предполагают, а начальство располагает. Радионов и думать не мог, сколько еще новых уголовных дел подвалит ему в последующие дни и недели. И сколько запутанных клубков придется распутывать куда как по более громким «справам», чем «Юнаки». Когда уж там было всерьез заниматься этим сельским недотепой Иваном Опришко!

Массовые операции, которые проводил на Львовщине партийно-советский актив с помощью истребительных батальонов («ястребков») и местных жителей, вели к новым и новым поимкам бандеровцев. Были вывезены и предстали перед обвинением участники охраны районного провода. Все эти законченные бандиты с кличками-псевдонимами «Дуб», «Хорт», «Орлик», «Чумак», «Калина» держались нагло, развязно, далеко не в пример благостному и почтительному «Рыбаку»-Опришко. Полный контраст.

Радионов, задержанный многочасовыми допросами бандитов, порой срывался, переходил на крик, стучал кулаком по столу. Отведенное на расследование преступлений время уплывало с бешеной скоростью, рабочий день порой длился по пятнадцать часов, переходил в ночь, и все равно времени не хватало.

О личной жизни пришлось забыть. Хорошо хоть умница Олечка понимала его состояние и ласково прощала ставшие абсолютно редкими уже даже не свидания, а краткие явки с повинной, как она шутила, старшего лейтенанта Радионова. Невеста понимала, а начальство? Радионов, убеждаясь в том, что не успевает завершить расследование в установленные сроки, через своего начальника обратился к Военному прокурору и попросил продлить срок следствия и содержания под стражей нескольким обвиняемым, в том числе Опришко. Такое разрешение было получено, и дело «Рыбака» в числе прочих дел рассматривалось дополнительно еще три с половиной месяца.

И все равно осталось оно основанным исключительно на личных показаниях задержанного. Ни одного живого свидетеля не соизволил привлечь Радионов, больше доверявший своему фронтовому опыту и куда как меньше наставлениям по ведению следствия. Что ему стоило, например, если уж не поехал сам, вызвать повесткой на допрос хотя бы земляков Опришко, например, самого Юлиана Иосиповича Пташника, у которого «Рыбак», да какой там, к дьяволу, «Рыбак», злейший бандеровец Ярый скрывался в декабре предпоследнего года войны, забившись от страха в дальний угол чердака во время прихода отряда «ястребков»?

Тесть, откровенно не любивший зятя за его бандитское прошлое, многое, если не все, поведал бы следователю. Рассказал бы и о том, как этот тихенький, очень правдивый «Рыбак» так же скромно и доверчиво, как на допросах, глядя в лицо солдату из истребительного батальона, попросил разрешения выйти на двор «до ветра». Тот не насторожился: молодой парень сам спустился к ним с чердака с какими-то хозяйственными инструментами в руках, не ругается, не дрожит, спокойно отвечает на вопросы — наверняка, значит, не виноват ни в чем.

А потом, чего опасаться, зима стоит лютая, морозы жарят такие, что и собака из будки нос на улицу не захочет высунуть. Куда он убежит, этот клоп в легкой домашней рубашонке и лаптях на босую ногу? Робкий, затурканный вуйко с втянутыми плечиками никак не вязался с представлением об опасном беглеце. Потому без опаски выпустили его «до ветру».

А найти не смогли до вчерашнего.

Пользуясь рано опустившейся в зимний день темнотой, Ярый бежал от разъявры-солдата прямо в поле, где по-звериному быстро сообразил: вон, за наметенными метелью сугробами, стоят скирды, способные дать защиту от ветра и хоть минимум тепла. От околицы слышны были резкие военные команды, ругань, запоздалые крики, может даже выстрелы.

Беглец, пользуясь последним дарованным шансом на свободу, зарылся в стог, поскуливая от холода, голода, нервной горячки, полз в самую глубину, пытаясь устроить лежбище надежнее и удобнее. Улегся, согрелся, но не спал, вслушивался в ночные звуки, моля бога спасти его, убежать от пули, штыка, злых обварок. Но погоня, видимо, если и шла, то по селу, а в поле и не подумали отряжать солдат. Под утро стихла «хуртовина». Повалил крупными хлопьями затяжной снег. И под его шорох, под его убаюкивающий лепет счастливо избежавший погони беглец сумел кое-как уснуть.

А между тем «ястребки», хотя в их рядах и встречались растяпы, в целом оказались войском устойчивым, решительным и последовательным. Позорный случай с бегством Ярого даром не прошел: прибыло в район опытное подкрепление, начальство которого устроило крепкий разгон оплошавшему взводу. И в ту же ночь, едва рассвело, батальон «ястребков», усиленный местной милицией, советскими работниками, активистами, устремился в повальный прочес местности. Проверяли все подозрительные места, и не зря: повытаскивали из полуразрушенных домов, хозяйственных построек, кладбищенских схронов и церковных бункеров немало «опричников», скрывавшихся от власти. У каждого спрашивали о нем, Яром. Точных данных получить не могли. И, не зная истинной роли зятя Юлиана Пташника в кровавых делах, больше гоняться за ним не стали, рассудив, что далеко в безлюдной декабрьской степи он не ушел, окошел небось где-то в былках бурьяна на радость волкам. А если каким-то чудом и уцелел, то когда доползет до ближайшего населенного пункта, сам и сдастся.

Двое суток просидел в промерзшей копне действительно чудом спасшийся от заслуженного возмездия главарь разгромленной боевки. (Эх, Радионов, кому ты поверил о добровольной сдаче нашим «ястребкам» — да разве такие звери сами себя отдают в руки правосудию?) Может быть, там, в степи, подыхая без тепла и еды на каленом крещенском морозе, пробиравшем до костей сквозь ненадежную сенную труху, и нашел бы себе Ярый законную гибель, да вновь пришлось ему спасение. Вот же кому жить!..

На сей раз вытащила его с того света жена, Катруся! На коленях умолила, упросила она отца своего идти искать Ярослава в степи — чуяло ее сердце, здесь он скрывается, поблизости. Бессонными ночами чудилось: зовет он ее и дочку маленькую, Наталку, прийти к нему, погибающему, на помощь, скребется в окно, в двери, стонет... Пошли.

Поиски и привели к той копне, где, скрючившись в три погибели, лежал, помирая, обмороженный Ярый. Бредил, никого из них, склонившихся, не узнавал и прощения ни за что так и не просил.

Волоком, где на закорках, где на подстеленном колушке (тесть ни к дочери, ни к зятю не подходил, шагал, не оглядываясь, впереди), притащила Катруся беглеца домой уже поздно вечером. На другой день отправила его через родственников в районную больницу. А сама слегла с воспалением легких на долгое время у себя в доме, чем вызвала новый приступ гнева со стороны отца.

Юлиан Иосифович бежал по хате, за голову хватался: «Зачем я, старый дурак, поддался на ее уговоры? Да лучше бы он сдох в той копне, этот бандюга! За каким чертом я дочку родную на такие муки согласился вести...»

Полгода выползал зятек из полусмерти. В районной больнице оставил девять обмороженных пальцев на ногах — последствие тех двух страшных ночей. Жалел себя. Не плакал, не выл, только скрежетал зубами, приводя в трепет всех, кто не смог заснуть в такую ночь. Потом смирился: что такое ампутация почерневших, так или иначе пропадавших пальцев, по сравнению с полуценной свободой и возможностью тишком-нишком возвращаться к жизни без решетки?

Вот как был только по-умному затеряться, затаиться, чтобы ни один хвост за собой не привести? Жертвы ничего о нем не расскажут, для того и велась их ликвидация, чтобы не было ненужных свидетелей. Соратники? Кто пал, а кто жив — тот навесил на уста стопудовый замок, который только он, Ярый, вправе отомкнуть своим ключиком. Все будут молчать. И те, кто сыпанул вслед за немцами. И те, кто сбежал со своими, бандеровцами, за кордон — скорее всего, в Канаду. Кто окопался там, не имея со стороны властей никаких претензий. К ним туда, за границу, надо будет перебираться и ему — одному или с семьей, это уж как получится. Но пока задача — не привести за собой ни один длинный хвост, ни один нос, способный вынюхать его дымящееся разливами крови прошлое.

Хороши все же больничные ночи: лежи, закрыв глаза, думай. А днем? Можно и днем, только делай вид, что никто тебе не нужен, проходите мимо, братья и сестры, не чипайте мене, не трогайте, я уткнулся взглядом, утупился в одну точку — похожий на трезубец переплет оконных рам — и никого не трогаю. Не трогайте и вы меня, Бога ради!

На первом же свидании с исхудавшей, изменившейся после тяжелой болезни Катрусенькой он, вскользь спросив ее, как она себя чувствует и тихо ли в селе (даже не поинтересовался дочкой), стал научать жену, каким образом можно подойти к председателю сельсовета. Самогон, добрый шматок сала и вскользь произнесенное упоминание о Леонтии Виннике, интенданте «Черных чертей», сделали свое дело, не зря так мучительно ломал голову пан референт. Печати и подписи на липовые справки легли безотказно. Приставленный к власти дидько Антон понял, как нужно действовать, и опрометчиво доверенный ему Советской властью пост сумел использовать в интересах не до конца разгромленной банды.

Голова сильрады где сам, а где через своих дружков добыл Ярому вначале временное удостоверение вместо паспорта, затем военный билет с незаметно сделанной подчисткой. Биография закоренелого бандюги Опришко после такого основательного ремонта приобрела совершенно иной вид. Ярому нечего, некого стало бояться. И он, не оглядываясь по сторонам, покидал больничные стены, пусть заметно прихрамывая и сильно опираясь на самодельный посох. (По привычке сжимая «постол», как автомат.)

Тесть — главный бухгалтер какой-то сельской торговой организации — был страшно недоволен проделками зятя. Каждый день чуть ли не вытаскивал его из дома, заставляя ехать с повинной в районную милицию. Но в ногах отца валялась дочь Катерина: «Ой, папа, я прошу вас, не делайте этого, не гоните нас, Наталочка же ж внучка ваша, вона мала дытына, а вы слышите, что в селе говорят: кто в лесу скрывался (убивал и грабил это называется «скрывался»?) — таких або расстреляют, або на всю жизнь в Сибирь сошлют. Шо нам тоди робить?»

Отец в ответ кричал: «Такие, как твой сатана, и распускают сплетни про Сибирь. Не бывает так, чтобы ни за что человека к стенке ставили. А заслужил — пусть получит свое, нечего всю семью в страхе держать. Придут Советы — не придут... Пусть приходят, я больше твоего поганца прятать не буду!»

И вновь рыдала Катруся, разрывая сердце старику: «А Наталочка как же, тату? И в мене ще буде ребенок». — «Зовсим гарно!» — разводил руками Юлиан Пташник. Конечно, одной дочери двух детей не поднять, а на него, старика, надежда слабая.

И размякло суровое сердце Юлиана Иосиповича, безумно любившего шуструю, ладненькую внучку. Гладил девочку по чисто вымытой, причесанной головке, а потом, проходя мимо дремавшего, как усталый кот, зятя, презрительно сплевывал ему под ноги: «У-у, нелюдь, трясця твоей маме!»

Ярый, понуро сидя в старой, плетеной из ивовых прутьев качалке, молчал, не огрызался, тоскливо упрекая себя: «Что же ты, атаман, в свое время не повесил этого старого хрена на тополе, за сараем? Ух, как славно бы качался гусак длинноногий! Ну ничего, дай только мне, Боже, окрепнуть хоть трошки, расквитаюсь я, любый тато, и с тобой...»

Ослепленная судьба продолжала оберегать бандита, однажды обманувшего ее. Впрочем, почему однажды? Дважды! В первый раз — выпустив из рук «ястребков». А второй — передав в неопытные руки следователя Радиона.

И получил Ярый вместо заслуженной пули всего лишь минимум — десять лет лагерей. О своей любви к Катерине и детям — Наталке и Софийке — он нигде и никому не говорил. Знал ли вообще этот бандеровский выкормыш такое чувство, если в нем закаменела вера в эффективность только одного из множества человеческих чувств — страха? Желательно, страха животного, от которого у человека дрожат все поджилки — и он изо всех сил сдерживает себя, чтобы не рухнуть повелителю в ноги с мольбой о пощаде.

Продажный лис оуновской** безпеки через пять лет пребывания в местах не столь отдаленных, узнав, что Катруся вышла замуж, писал ненавистному тестю: «Она меня бросила, как бросают изношенную рукавичку. В годы войны она была мне женой, а теперь нет. У меня чуткая душа, я знаю, что ваша дочка теперь отделяет от меня и детей, приучает их забыть ридного татку, а чужого вуйку, щоб вин здох, называть папой. Ни! Нихто, ни Бог, ни люди меня не осудят. Я с гордостью нес, несу и ще понесу свий хрест...»

У «драматурга» Геббельса были творения, взывавшие к чувствам «униженного и оскорбленного славянами арийца». По-видимому, этот спектакль был хорошо знаком дружбе провиднику, вот он и разыгрывал его, как мог.

Ярый не сомневался: лагерная служба вправе проверять все, в том числе и его письма. И потому упорно продолжал изображать из себя без вины виноватого, оглуленного парня, действительно, «Рыбака», нечаянно попавшего под безжалостную бандеровскую инквизицию, вынужденного служить ей.

Но так тяжело носить рубище смиренного инока вольному в своих поступках бандиту! Злость распирает, душит его, и эта злость, злоба прорывается в письмах на волю, где в центре все та же кровоточащая тема — уход жены. Оставив в своих посланиях рассудительный русский, Ярый

переходит на гораздо более близкий ему, эмоциональный украинский язык. «Нам Биг дав драбину, одни лизуть до горы, а друти в долину. Ничого! Вид мого ока ще ніхто не втик и вона не втече. Мои очи усюды стежать за нею, мени видомый кожний ии крок».

В переводе — вот о чем пишет он тестю: «Бог всем дал лестницу, только одни сразу устремились по ней на вершины, другие скромно занимают свое место в долине. Ничего! От моих глаз еще никто не удрал — и она не удерет. Мои глаза всюду следят за ней, мне известен каждый ее шаг...»

Ярому всегда хотелось если не быть, то, по крайней мере, слыть, казаться очень умным, проницательным, мудрым человеком. Таким, которому как Богу все люди в рот заглядывают, впитывают каждое его слово, стоит ему только открыть уста. Но не всегда, далеко не всегда удавалось окружающему референту являть блеск ума, потому что из кувшина, как говорят на Востоке, может вылиться только его содержимое. А что за содержимое было в «кувшине» главаря бандитов? Злость, хитрость, изворотливость — этого добра хватало. А интеллекта, ума... Чого нема, того нема.

Ярый маску невинной жертвы носил постоянно. В письмах близким он стремился выглядеть гордым изгоем, страдающим ни за что и уверенным в том, что его искупление (наказание за чужие грехи) избавит от страданий большую часть человечества.

Слухи просачивались к нему в лагерь окольными путями, заставляя проводить долгие ночи вперив глаза в потолок. Ярый знал, что многие его дружки, бежавшие в Германию, когда гитлеровский рейх затрещал и развалился, растворились в американских и английских зонах оккупации городов Мюнхена, Аугсбурга, Миттенвальда, Регенсбурга, Нового Ульма. Непостижимым образом дошли вести и о том, что в лагере военнопленных в итальянском городе Римини находится восемь тысяч вояк из четырнадцатой дивизии СС «Галичина». Ярому было с кем здесь, под хмурым Колымским небом, поговорить о судьбе этой дивизии.

Прожженные лесные волки оказались правы в своих предположениях. Через небольшой промежуток времени преступное сборище бывших палачей, замаскировав кровавое прошлое под невинной вывеской «Братство воинов 1-й дивизии», тихонько переправилось и осело в Канаде, поначалу все еще выжидая сигнала возобновления борьбы за самостийну Украину, а потом тихо старея, но не забывая прошлого...

Всех подробностей Ярый, конечно, знать не мог. Но он знал главное: бежавшие от советских войск как клопы от дуста лесные братья еще вынырнут где-нибудь под жовто-блакитным флагом на поверхность. Значит, пока нужно просто быть тише воды ниже травы, законопослушно «переждать» свой срок под холодными «стожарами», а по освобождении немедленно искать пути перехода к своим. Ридна ненька Украина наверняка станет мачехой, ею уже правят коммунисты, она больше не согреет своего заблудшего сына, ей теперь милее другие дети. Но путей перехода много, обдумать их нужно тщательно, без спешки, осмотрительно.

Ни с кем, какое бы доверие человек ему ни внушал, не делился Ярый своим прошлым. Однажды разработанную и накрепко заученную легенду о легкомысленной связи с «Юнаками» поддерживал неукоснительно. Сам уже истово верил в эту сказку. И матери своей рассказывал в письмах о том же. Престарелая Софья Савельевна, почти слепая от выплаканных слез — ее старший сын, Михаил, погиб, сражаясь в Красной Армии против фашистов, а младший отбывал нескончаемо долгое наказание «не понять за что», — напишет Председателю Президиума Верховного Сове-

та СССР Ворошилову просьбу о помиловании сына. Напишет не сама, а с помощью внучки, по старой памяти забегавшей в дом бабушки, несмотря на выговоры мамы.

«Мой сын стойко стал на путь исправления, — будет писать девочка под диктовку головы сильрады, в этот поздний час допивавшего свою бутылку самогона в хате Софьи Савельевны. — По характеристике начальника лагеря мой сын добросовестно работает старшим пекарем. На его совести нет преступлений перед родной Советской властью. На коленях прошу Вас освободить его из мест заключения до окончания срока, ему отбывать в ссылке еще пять лет. Предоставьте ему возможность на своей родине честным трудом искупить вину за несчастную молодость...»

Жалостливое, трогательное письмо сочинил грамотный голова сильрады. Единственный только был допущен, говоря современным языком, прокол, и очень серьезный: имя — Ярослав Трофимович Ляхно — указали настоящее, а надо бы Иван Федорович Опришко, как он сам в своей биографии указывал.

Но ни в дупель пьяный Антон Винник, ни, тем более, совершенно неграмотная мать «референта» на такую деталь внимания не обратили. Маме своей Ярослав потом эту промашку простил. А на горького пьяницу Антона Гавриловича — родича харчевог — в суде с такой ненавистью вылупил свои «зверячие» очи, что тот от страха забыл, как его зовут, только икал.

Но тогда не одна эта маленькая накладка в датах послужила причиной отклонения слезного ходатайства. Предательство ничем оправдать нельзя, за него нужно расплачиваться. Президиум отказал.

* * *

...Ярого отправляли на новое поселение. Не одного, а с группой таких же, как он, бандеровцев. Вели колонну строем под усиленной охраной мимо соседней зоны, той самой, где отбывал свой срок (Ярый об этом не знал, не ведал) и Николай Поречный. Когда-то судьба свела их в черных прикарпатских лесах, а теперь устроила встречу под сиротливым северным небом. Ярый давно забыл и не вспомнил своего пленника, красноармейца — пулеметчика по кличке Задерживост. А пулеметчик мгновенно признал в этом человеке ниже среднего роста «друзе провидныка», водившего бандеровскую сотню на страшные «подвиги».

Поречный закрыл глаза, еще раз проверяя себя, точно ли это треугольное лицо, кудловатые, смуглянистые брови, немного вздернутый нос соответствуют облику Ярого? И память услужливо вытолкнула кадры: вот главарь идет по лесу в гражданском пальто польского покроя нараспашку, сквозь отвороты которого видны френч с накладными карманами и топорщащиеся бутылками галифе. На ногах — высокие немецкие ботинки, на голове — черная суконная кепка, чуть сбита набок. Через плечо перекинут советский ППШ, а за пояс заткнут немецкий парабеллум. «Друзе провиднык!» — почтительно окликает его секретарь Буревой, и главарь довольно очерчивается, высвечивая широкую щелку между передними зубами...

Поречный не стал выдавать себя, пристально провожая глазами проходящих мимо ограждения заключенных. Но как раз в этот момент, словно для того, чтобы развеять последние сомнения Поречного, кто-то из колонны окликнул референта: «Опришко! А ну, держи!» — и следом полетела к ногам Ярого плотно свернутая фуфайка.

По характерно растопыренным рукам, всей позе «Опришко» Поречный окончательно убедился: да, под чужой фамилией прячется Ярый, заметно изменившийся за послевоенные годы, но все тот же — главарь сатанинской боевки «Черные черти».

Не подав виду, стараясь не смотреть на окружающих, Поречный выскользнул из толпы и направился к начальнику лагеря.

— Передайте, пусть примет меня срочно! — настаивал Николай Поречный, встретив категорический отказ охранника тревожить начальство. Но оценив необычность поведения заключенного, вохровец все же уступил его настырности.

А сам потом несколько раз подходил к дверям недосягаемого кабинета, пытаясь понять, что же там такое происходит? Прошел уже час, второй, потек третий, вызвали к самому начальника специальной части, потом послали машину за кем-то из прокуратуры, а сам все продолжает приглушенный разговор с этим зэком Поречным, ничем особым прежде не выделявшимся в общей массе.

Видать, вправду решается там нечто чрезвычайное. Знать бы что...

